

Пушечный наряд

Автор:

Юрий Корчевский

Пушечный наряд

Юрий Григорьевич Корчевский

Пушкарь #3

Вы снова сможете встретиться с умелым лекарем и отважным воином, нашим современником Юрием Кожиним.

Пластическая хирургия в Венеции, столкновение с разбойничьей шайкой земляков в Неаполе, пиратский плен и встреча с Петром Великим, участие в войне со шведами, поиски таинственного клада – через многие опасности придется пройти герою. Только ум, отвага, храбрость и любовь к Родине и женщине помогут ему с честью пройти через выпавшие на его долю испытания.

А впереди – новые, не менее захватывающие приключения.

Юрий Корчевский

Пушечный наряд

Глава 1

Три недели я как проклятый изучал разговорный итальянский, понимая, что без языка не будет работы. Даже думать я заставлял себя на итальянском. Сначала

было чрезвычайно тяжело, затем полегче. Со слугами в доме я старался говорить только по-итальянски, лишь иногда вставляя английское словечко и требуя его перевода. Конечно, за такой срок я не стал говорить хорошо, понимал уже все, но говорил с угадываемым чужеземным акцентом, приблизительно как кавказец, приехавший с юга торговать на Дорогомиловском рынке в Москве. Пока Винченцо не уехал по своим делам – а все корабельные походы длятся долго, я попросил его ввести меня в круг купцов, рекламируя как знаменитого врача.

– Не врача, – поправил Винченцо. – В Европе давно, уже лет сто, когда говорят про хирурга – то это те, кто оперирует, а врач лечит мазями, пилюлями, сушеными тараканами и прочим. Так как тебя представлять?

– Тогда хирургом. Я думаю, что врачей в Венеции полно, хирургов мало, а моего уровня нет и вовсе.

– Договорились. И еще – повесь красочную вывеску, чтобы каждый, кто умеет читать, – а это, в основном, люди дворянских фамилий или богатые, проезжая мимо твоего дома запоминал, что здесь живет хирург. Когда понадобится – сразу вспомнят.

И верно, из моего века я помнил, что реклама – двигатель торговли. Начал спрашивать слуг – где мне найти художника, нарисовать вывеску. С трудом, через знакомых, меня познакомили с живописцем. Жил он в подвале, жил бедновато, судя по обстановке. Сам был одет живописно, но одежда явно просила замены. Я представился:

– Кожин, хирург, пришел просить вас нарисовать мне вывеску.

– Рембрандт Харменс ван Рейн, свободный живописец из Голландии.

Я осмелел. Передо мной стоял один из величайших художников средневековья, его картины выставлялись в лучших и знатнейших музеях и галереях мира; картины, изредка попадавшие на аукционы Пола Кристи, стоили миллионы, а художник жил в подвале, в нищете. Как несправедлива жизнь!

– Так чего вы хотели?

- Написать вывеску, любезный.

Я рассказал, что должно быть изображено на вывеске, какая надпись.

- Да, понятно, синьор. К завтрашнему вечеру будет готово, и я сам принесу ее к вам. Скажите адрес.

Я назвал адрес. Художник помялся:

- Вывеска будет стоить один эскудо, деньги я хочу получить авансом. Надо купить краски.

В углу я заметил холст, накрытый тряпкой.

- А что там?

- Там две мои картины, одна уже закончена, вторая пока в работе.

- Можно посмотреть?

Художник откинул тряпицу. В темном подвале как будто засияло солнце. Это была одна из самых знаменитых картин художника - «Портрет Титуса», в типичных для Рембрандта золотисто-красных тонах.

Рядом стоял незаконченный натюрморт.

- Сколько стоит портрет?

- Зачем он вам, синьор? Мне его заказали, но не выкупили, теперь вот пылится в мастерской. Натюрморты еще как-то покупают, вот и пишу. А вы и вправду желаете купить? Я недорого отдам эту картину - всего три золотых дуката.

Я развязал кошелек, отсчитал пять золотых монет - три за портрет, две авансом за натюрморт.

- Устроит?

– Да, синьор. – Художник заулыбался. – Теперь я смогу рассчитаться с долгами и вернуться на родину, в Голландию.

Мы скрепили сделку рукопожатием; я снял портрет, сунул его под мышку. Рембрандт семенил рядом.

– Я знаю одного хорошего краснодеревщика, он делает хорошие рамы, не прислать ли его синьору?

Хм, ждать предложения. Я вышел на улицу, взглянул на портрет при солнечном свете – и подпись Рембрандта на месте. Художник клятвенно заверил, что как только закончит натюрморт, сам доставит его по известному ему уже адресу.

Придя домой, достал бутылку вина, налил в стаканчик и стал любоваться приобретением. Очень, очень ценное приобретение, великолепная картина.

Да это просто редкая удача – купить картину великого голландца. Ходят богатые снобы и не знают, мимо чего прошли. Повезло, несказанно повезло! Я допил бутылку, аккуратно пристроил портрет на стене. Теперь, просыпаясь, я буду первым делом видеть шедевр.

Сказать Винченцо, что ли? Оценит ли? Это не купил – перевез – продал. Быстрого обогащения не получится. Искусство не всегда сиюмоментно, иногда величие гения способны оценить только потомки, иногда далекие.

Ни завтра к вечеру, ни послезавтра вывески не было. Подождав еще день, пошел в мастерскую к художнику сам. Незаконченный натюрморт так и стол в углу, вывески в ближайших углах не наблюдалось тоже. Художник, не обращая внимания на мой приход, сосредоточенно писал на холсте.

– Стойте так! Чуть левее голову.

Постояв так с полчаса, я подошел к художнику – ешкин кот! На холсте был я собственной персоной. Лицо – точная копия, одежда правда не моя – богаче, с жабо и синим камзолом. Художник меня явно приукрасил. Фона пока не было. Но за этим дело, я думаю, не станет.

– Вот! – Художник гордо посмотрел на меня. – Скоро портрет будет готов. Еще пара дней, и готово.

– Господин Рембрандт, я заказывал вывеску!

– Да что вывеска, успеем, давно не встречал такую фактуру, как я мог не написать? Синьор, наберитесь терпения.

Ну что с ним поделаешь? С великими не поспоришь. Подождем, тем более у меня никогда не было портрета, а уж кисти известного художника – и подавно. Ладно, идя домой, размышлял я. Пусть будет портрет, а вывеска – ну днем раньше, днем позже.

Работа над картиной затянулась на пару месяцев. Хорошо, что я понял, что вывески мне от Рембрандта не видать и подстраховался у другого художника, порекомендованного местным аптекарем. Тот не заморачивался, что сказано – то и сделал, точно в срок.

Винченцо сдержал слово – вывел меня в свет. На состоявшуюся вечеринку захватил и меня. Купцы порешили свои торговые дела и приступили к делу более приятному – танцам, вину. В зале на балкончике играл небольшой оркестр, синьоры приглашали синьорит. Я не танцевал, присматривался, как это делали другие. Мой приятель Винченцо не пропускал ни одного танца и подошел ко мне раскрасневшийся.

– Чего стоишь, не танцуешь?

– Не умею танцевать ваши танцы. Пока посмотрю.

– Присматривайся, но не очень долго, посмотри, какие дамы, и, по-моему, некоторых ты не оставил равнодушными.

Конечно, почти все итальянцы брюнеты, да и мелковаты телосложением. Не заметить блондина ростом метр восемьдесят было трудно. Одет я был по итальянской моде, выбрит, в отличие от русских купцов или мастеровых. До Петра на Руси чужеземцев и узнавали по выбритому лицу. Иногда я замечал на себе любопытные женские взгляды.

К одной из женщин, что сидела за столиком, я подошел сам, вежливо поклонился, спросил разрешения присесть. И подошел не из-за мужских желаний, а просто увидел на руке липому. Дама искусно прикрывала липому то веером, то другой рукой, но глаза врача не обманешь.

- Синьорита, прошу меня извинить, я могу помочь вам избавиться от этой штуковины. - Я указал на липому.

Дама покраснела и убрала руку со стола:

- Нет-нет, со мной все в порядке.

Ну что же, зачем быть нахальным, было бы предложено. Однако через пару дней дамочка заявила ко мне, хотя адреса я не давал. Смущаясь и краснея, она поздоровалась и попросила извинить ее за легкомысленный отказ. Так-то лучше.

После осмотра я предложил вырезать липому, прямо сейчас. Дама что-то лепетала о том, что она боится, но я пообещал постараться сделать не больно, предложил для храбрости стакан вина, предварительно накапав туда настойки опия. Когда прошло полчаса, достаточных для действия лекарства, я сделал небольшой разрез, вылутил липому из ложа, аккуратно зашил рану конским волосом, забинтовал.

Я не зря бегал в Москве учиться к пластическим хирургам. Такой шовчик после заживления будет почти незаметным. Наказав даме завтра и несколько последующих дней ходить на перевязки и не мочить повязку, я проводил ее до выхода, где ждала коляска.

Несколько дней дама аккуратно посещала меня для перевязок. Через неделю я снял швы. Шовчик был просто загляденье - аккуратный, пока красный, но я пообещал даме, что через пару месяцев он станет незаметным.

Дама расплатилась, бурно проявила свой итальянский темперамент водопадом комплиментов. Первый пациент есть! Начало в Венеции положено. Через несколько дней появился второй - торговец кожами с сильным порезом руки - соскочил нож, он вспомнил меня по вывеске. Потихоньку я набирал пациентов. Но работа была невелика по объему и довольно рутинная. Однажды я гулял по центру города, впереди остановилась коляска; поддерживаемая слугой, из нее

вышла молодая синьора. Лицо ее было бы красиво, если бы его не портил нос – довольно некрасивый, да еще и с бородавкой на кончике. Я стал мысленно прикидывать ход операции, когда меня толкнул слуга:

– Чего пялишься на госпожу? Хочешь неприятностей от дожа?

– При чем здесь дож?

– Невежа, это одна из дочерей дожа.

Ах, вот оно что. Стоило крепко подумать, прежде чем предлагать свои услуги.

В случае удачи – ну, это понятно, но в противном случае – галеры будут еще не самым тяжким наказанием. Я решил рискнуть. Дождавшись, когда синьорита выйдет из магазина, я приблизился, вежливо поклонился, взмахнув шляпой.

– Осмелюсь побеспокоить ваше высочество, я хирург и могу попробовать исправить ваш нос.

– Кто вы такой? Я вас не знаю.

Я еще раз взмахнул шляпой:

– Кожин, Юрий Кожин, хирург из Московии.

– Не слышала о таком, оставь адрес моему слуге, я подумаю.

Поклонившись, я отошел. Слуга толкнул локтем и прошипел:

– Ты хорошо подумал, деревенщина?

Через день к моему дому подкатил экипаж. Слуги проводили ко мне знатного господина. Во взгляде и поведении чувствовалась властность, привычка повелевать. Одет во все черное, на шее массивная золотая цепь, пальцы унизаны перстнями.

- Я управляющий дворцом дожа, любимая дочь властителя сказала отцу, что на улице к ней подошел хирург и предложил свои услуги. Правда ли это?

- Правда, я не отказываюсь от своих слов.

- Знаешь ли ты, что дож приглашал лучших медиков еще несколько лет назад, даже привозил из Франции и Англии, никто не взялся.

- Не знаю, но я берусь.

- Тебя одолела гордыня, как ты можешь обещать несчастной девочке то, за что не взялись самые знаменитые медики?

- В конце концов, хуже, чем есть, не будет, а я рискую многим.

- Нет, не многим, ты просто рискуешь своей головой. После услышанного ты все-таки хочешь рискнуть?

- Я не переменял своего решения.

- Хорошо, я передам твои слова дожу. Кто может засвидетельствовать твое мастерство?

Я перечислил несколько человек, в первую очередь Винченцо.

- Да, я знаю синьора Винченцо, это достойный человек.

Прошло два дня. Ближе к вечеру к дому подъехала карета, и уже знакомый управляющий дворцом дожа Джузеппе Витарди вошел в дом.

- Вас приглашает к себе дож. Пожалуйста, оденьтесь поприличней, и прошу в карету.

Он окинул скептическим взглядом мое жилье и вышел. Быстро, по-армейски, я переоделся в свое лучшее платье – выбор-то был невелик – и сел в карету. Ехали недолго, буквально несколько минут, въехали во двор, но не с парадного входа.

Джузеппе долго вел меня по запутанным коридорам. Наконец, мы зашли в небольшой зал.

Очень, очень богатый. По стенам висели картины – в основном портреты предков дожа. Шитые золотом тяжелые шторы прикрывали окна, создавая в зале полумрак. Потолок расписан фресками на библейские темы. Мраморный пол укрыт толстенным, явно мусульманской работы ковром. У дальней стены, за столом из палисандра сидел уже пожилой, сухощавый и почти седой дож. Внимательный взгляд карих глаз тщательно осмотрел меня, я склонился в поклоне.

– Ты дерзкий человек, хирург. Мне сказали, что ты из Московии. Это правда?

– Да, Ваше Величество.

– У тебя была такая обширная практика, что ты готов взяться исправить ошибку природы у моей любимой дочери?

– Да, Ваше Величество.

– Я рискую лицом дочери, ты в случае неуспеха рискуешь всем, ты это понимаешь?

– Да, Ваше Величество, я ставлю ее нос против своей головы.

Дождь склонил голову в раздумье, затем дернул за шнурок звонка. В зал зашла дочь.

– Посмотри еще раз. Может, ты переменишь свое мнение?

Я приблизился и впился взглядом в лицо.

Так, сделаю разрез так и так, бородавку уберу вместе с небольшим лоскутом кожи, кости носа придется сломать и создать новую форму. Сложно, но вполне вероятно.

– Да, Ваше Величество, я берусь, с одним условием.

- Ты очень дерзок, чужеземец, ставить условия дожу – это верх наглости.

- Я исправлю нос, но до тех пор, пока он не заживет, вы не сможете увидеть свою дочь, она будет находиться в моем доме.

Дождь подумал, кивнул головой:

- Ну тогда и у меня будет условие – пока дочь не выздоровеет, ты не выйдешь из дома, у дверей будет охрана, пищу и питье вам будут привозить из дворца, никто не должен ничего знать или видеть дочь.

Я поклонился:

- Согласен, когда приступаем?

Тут вмешалась дочь:

- Завтра, я хочу быстрее!

Решили начать завтра. Провожая меня, Джузеппе бросил:

- Твой итальянский ужасен, чужеземец, благодари дождя, что он очень любит свою младшую дочь, иначе он тебя бы не слушал. Немногие из венецианцев могут лицезреть дождя, ты же удостоился аудиенции.

На следующий день в неприметной карете привезли пациентку. Зайдя внутрь, у дверей стали два стража с длинными мечами у пояса и мушкетами на плече. Мои слуги со страхом смотрели на них. Джузеппе пояснил:

- Ваши слуги могут беспрепятственно заходить и выходить. Вас же, синьор, не выпустят ни под каким предлогом, а чужих не пустят в дом. Сменять вовремя стражей, кормить их – моя прямая забота, у вас же должна болеть голова только об одном – прекрасной Джульетте.

Хм, Джульетта. Это навевало определенные ассоциации с трагедиями Шекспира, да и страсти, похоже, начнут разгораться нешуточные.

Я еще раз осмотрел Джульетту, как мог, успокоил девушку, при этом категорически потребовал выполнять все мои требования и до моего разрешения не смотреться в зеркало.

– А как же я буду расчесываться?

– На ощупь, милая синьорита, а впрочем, несколько дней вам будет не до расчески.

Я еще раз проверил инструменты, материалы. Случись – чего-то не хватит, ассистентов нет. Положил перед собой листок бумаги, где заранее наметил линии разрезов, налил Джульетте стакан вина с опиумом. Когда увидел, что опиум уже начал действовать, помог взобраться на стол. Подкрашенным спиртом нанес линии разрезов, перекрестился и, глубоко вздохнув, – как-то само вырвалось, приступил к операции. Джульетта терпеливо молчала. Я резал, ломал щипцами нос, долотом удалял излишки на носовых костях, аккуратно все ушил, затолкав в нос ватные тампоны для придания правильной формы. Дышать теперь Джульетте придется только ртом. Неудобно, конечно, придется дней десять потерпеть. Наконец наложил повязку, помог Джульетте встать со стола и почти перенес ее в соседнюю комнату. Девушка постанывала от боли, и мне пришлось дать ей еще вина с опиумом. Уложив ее в постель, я попросил не трогать повязку руками.

Вымыл руки, посмотрел на часы и удивился – прошло шесть часов. Так вот почему так хочется есть. За дверями слышалась какая-то возня. Я вышел. Посредине зала стоял стол, уставленный жареной и вареной убоиной, фруктами, вином. Здесь же был Джузеппе.

– Как прошло? – бросился он ко мне.

– Я сделал все, что мог, теперь надо ждать.

Я подошел к столу и, не обращая внимания на вопросы, стал жадно есть. Нервное напряжение схлынуло, и организм требовал своего.

Джузеппе, видя мое молчание, уселся рядом и тоже принялся есть.

– Я так переживал, ведь Джульетта выросла на моих глазах, а сейчас она уже невеста. За нее сватался герцог Фламандский.

– Ну и слава Богу! – Я перекрестился. – Я думаю, герцогу будет приятно увидеть похорошевшую невесту.

– Так он ее и не видел.

Я поперхнулся. Дурак, браки венценосных особ заключаются между дворами, а не по любви.

Расположившись в соседней комнате, я часто подходил к пациентке, щупал пульс, если раны начинали болеть, давал опиум. На третий день впервые снял повязки. Лицо было как сплошной синяк, отечное, нос распух. Если бы ее сейчас увидел отец, не стал бы ждать окончания выздоровления, меня казнили бы сразу. Вот почему я поставил перед дожем такие условия.

Я обильно смазал послеоперационные раны лечебными мазями, которые приготовил сам, снова забинтовал. Голова девушки походила на большой белый шар, открытыми были только глаза и рот. Мы много с ней общались, я внимательно слушал ее речь – ведь во дворе учили наряду с правильными манерами и правильному языку. Она же с интересом слушала о моих путешествиях по чужим странам, о пленении, о России. Я мог рассказывать часами и она, как только я замолкал, чтобы перевести дух, просила рассказать еще.

И я рассказывал. Здоровье девушки было уже неплохим, отек спадал, синева перешла в желтизну. Скорее всего, через неделю можно будет повязки снять совсем.

– Что же ты не просишь расческу, – пошутил как-то я.

– Я же не знала, что вся голова будет в повязках.

Наконец настал день, когда я окончательно снял повязки. Накладывать мази еще надо, но кожа уже свободна от повязок и заживает быстрее. Швы я уже снял. Тем не менее, как ни просила Джульетта зеркало, я ей навстречу не шел,

пока ее вид мог ее шокировать.

Джузеппе тоже не видел Джульетту, однако мог через дверь слышать ее голос, и это его успокаивало.

Вероятно, ему приходилось докладывать дожу, что дочка жива. Но вот как она выглядит – он не знал. В один из дней у дверей раздался шум, стражники с кем-то препирались. Я подошел ко входу. Оказалось, это пришел Рембрандт, принес мой портрет и требовал увидеть меня. Пришлось говорить с ним на пороге. Охрана четко выполняла указание – никого не впускать внутрь и не выпускать меня. Я осмотрел портрет, остался доволен, расплатился с художником, мы раскланялись. Я извинился, что из-за некоторых обстоятельств не могу пригласить его в дом, но в ближайшее время навещу его в мастерской.

Еще через неделю лицо Джульетты приняло обычный цвет, отеки исчезли, лишь было едва заметно два небольших розовых шрамика. Я дал Джульетте зеркало, она с нетерпением выхватила у меня из рук.

– О! Мама мия! Белиссимо! Это лучшее, что я себе могла представить! Спасибо, синьор Юрий! – Она бросилась мне на шею, поцеловала в щеку. На глазах ее появились слезы. – Теперь я выгляжу великолепно, даже лучше старших сестер; маэстро, вы просто волшебник! Без смущения я смогу танцевать на балах. Поедемте скорее к отцу, он порадуетя и достойно вознаградит вас!

– Хорошо, но с одним маленьким условием.

– Опять эти условия!

– Мы наденем легкую накидку и сделаем дожу маленький сюрприз.

– Да, это будет просто замечательно.

Я достал заранее купленную кисею и набросил на ее прекрасную головку. В общих чертах лицо проглядывало, но разглядеть детали не позволяла кисея. Мы вышли из комнаты. В прихожую входил Джузеппе, сзади следовали двое слуг с корзинками, полными снеди.

- Джузеппе, я здорова и красива. Мы едем домой, к отцу!

Джузеппе попробовал откинуть кисею, но Джульетта с удовольствием приняла условия игры и отшатнулась.

- Вы увидите меня во дворце! Быстро едем, мне так не терпится увидеть моего дорогого отца!

Мы вышли из дома, уселись в карету, заняв все места. Джузеппе, садясь в карету, крикнул охранникам и слугам:

- Идите во дворец!

Мы поехали, Джульетта в нетерпении выглядывала в окно кареты; я мог понять ее внутреннее состояние. Заехали на этот раз с парадного входа. Впереди шла Джульетта, за ней Джузеппе, сзади еле поспевал я.

- Джульетта, потише, совсем загонишь старика Джузеппе!

Подошли к парадному залу. Дождь принимал какую-то делегацию, но Джульетта ворвалась с девичьей непосредственностью в зал и остановилась.

Все, и дождь тоже, с недоумением уставились на нее. Джульетта подошла к отцу и театральным жестом, как это умеют только женщины, сдернула кисею.

От неожиданности и удивления дождь даже привстал с кресла, затем оправился и попросил всех выйти. Я тоже собрался выйти, но дождь окрикнул:

- Хирург, останься! - Вероятно, он забыл, как меня звать.

Мы остались втроем в зале. Дождь оглядывал лицо дочери с разных сторон. Джульетта стояла пунцовая от удовольствия. Наконец дождь углядел два розовых рубчика.

- А это?

- Через два-три месяца вы их не увидите, прошло слишком мало времени.

- Да, я немало удивлен. Неужели в Московии такие искусные хирурги? Знаешь, не там я искал помощи, доверился досужим разговорам. Чем обязан?

Я решил не скромничать:

- Пятьсот золотых дукатов, операция редкая, в мире никто, кроме меня не делает таких.

- Хм, это же почти... - Он не договорил.

Дочка обиженно надула губки:

- Ты обещал отдать любые деньги, никто не брался. Сейчас, когда я здорова и прекрасна, ты торгуешься.

- Нет, нет, дорогая, ты меня неправильно поняла.

Он дернул шнурок звонка, сразу же вошел Джузеппе: он выходил вместе со всеми и стоял за дверью. Приблизившись, он удивленно уставился на Джульетту.

- Синьора, неужели это ваше лицо? Да вы просто красавица!

- Я теперь такой буду всегда!

Джульетта крутанулась на каблуке и, гордо неся голову, вышла из зала.

- Отсчитай господину ...э...

- Кожину, - подсказал Джузеппе.

- Да, да, Кожину, - пятьсот золотых дукатов.

Он повернулся ко мне.

– Деньги деньгами, но я хочу вас поблагодарить за дочь. Как любящий отец, я в восторге от вашей работы. Я думаю, вы не покинете мой город быстро, вероятно, недостатка в больных у вас не будет.

Дождь слегка склонил голову; я понял, что аудиенция окончена, поклонился и вышел.

Джузеппе поспешил за мной.

– Синьор, синьор, вы сделали невозможное. Наша девочка просто стала сказочной красавицей. Никто не верил, что возможно такое чудо! Вы исправили ошибку природы.

– Джузеппе, я выполнил свой долг, а теперь хочу получить свои денежки.

– Да, да, извините, я в полном восторге.

Джузеппе довел меня до маленькой комнаты, извинившись, подошел к незаметной двери в стене, нашел потайную пружину и вошел. Слышалось бряцанье мешочков, звон монет. Наконец он вышел, неся в руке увесистый мешочек:

– Пересчитывайте.

Я взвесил в руке – килограмма два.

Развязал мешочек – золотые дукаты.

Ладно, чего их пересчитывать – одной больше, одной меньше.

– Я вам всецело доверяю.

– Синьор Кожин, пойдете, я провожу вас и дам карету. Ходить по улицам с такими деньгами не стоит, а лучше положить их в банк или отдать ростовщику под проценты.

– Благодарю вас за совет, синьор, и за карету. Я всенепременно воспользуюсь вашим советом.

Я прекрасно добрался до дома, выпил стаканчик кьянти, отсчитал часть денег и направился в порт. Винченцо я нашел там, у корабля. Команда заканчивала погрузку и, вероятно, уже завтра корабль выйдет в море.

Мы дружески обнялись, венецианец провел меня в каюту на корме. По пути я осматривал корабль, но нигде не увидел следов разрушения.

– Мы уже все давно отремонтировали, даже сходили в рейс, только недалеко.

Винченцо усадил меня за стол, выставил бутылку вина, фруктов. Пригубили по стаканчику, и я спросил:

– Каков мой долг?

Винченцо удивился:

– А что, ты уже достаточно заработал?

Я рассказал ему о дочке дожа. Винченцо аж поперхнулся вином.

– Это ты про Джульетту говоришь?

Я кивнул.

– Да, к ней привозили лучших врачей, и никто не взялся. Ошибка природы. Вся Венеция насмехалась над ее лицом.

– А теперь вся Венеция будет восхищаться ее лицом. Поверь, Винченцо, она теперь красавица.

Венецианец поспешил наполнить бокалы вином, мы выпили, я еще пребывал в радостном возбуждении.

- Так сколько, Винченцо?

Тот наморщил лоб:

- Так, аренда, слуги, на первое время. - Он загибал пальцы. - С тебя пятьдесят дукатов золотом, и только из-за уважения к тебе.

Я отсчитал ему деньги.

- Мы в расчете?

- Конечно, теперь ты мне ничего не должен. А может, возьмешь в долю?

- Если только ты купишь мне солидный дом в центре.

Купец задумался.

- Такие дела быстро не решаются. Покупка не грошовая, надо поискать, подумать.

- Вот вернешься из рейса - подумай, поищи.

Когда мы уже изрядно выпили, опустошив третью бутылку, купец наклонился ко мне:

- Поверь твоему другу, завтра у тебя не будет отбоя от пациентов.

- С чего ты взял?

- Венеция не такой большой город, как Рим или Неаполь. К вечеру твое имя будут склонять во всех домах, близких ко двору, а завтра ты будешь выбирать больных по своему вкусу, поверь, я знаю венецианцев.

Затем оглянулся по сторонам, хотя в каюте никого не было:

- Ты не только умелый хирург, ты очень хитрый и дальновидный!

Он захихикал и пьяно погрозил пальцем.

- Почему? - спросил я.

- Это очень хитрый ход: теперь, даже если ты зарежешь до смерти любого своего больного, тебя никто пальцем не тронет.

Плохо то, что я жил в Венеции и не знал ее законов. В России я ориентировался, но здесь... Да и деньги я зарабатывал не ради богатства, деньги во все времена дают свободу выбора. Применительно к данным обстоятельствам - это возможность купить дом, нанять слуг, купить место на корабле или сам корабль.

Кто сказал «корабль»? А может и в самом деле купить корабль и, обогнув Европу, приплыть в Россию к Петру? Да вот не запряжет ли он меня снова бомбардиром к преображенцам? Если бы существовал в то время воинский устав, было бы боевое охранение, не попал бы я в плен к крымским татарам. Не случись счастливой оказии в виде Винченцо, сгнил бы со временем в Бахчисарае или у турок на галерах. Ичего мне взбрели такие мысли на пьяную голову? Винченцо укладывал меня спать у себя в каюте, но я с пьяным упорством вырывался, хотел идти домой. В конце концов, Винченцо сдался, определил мне в провожатые двоих матросов с наказом доставить прямо в дом, а не до порога.

Утром раскалывалась голова, хотелось поспать и понежиться в постели, но вошедший слуга известил:

- Вас ожидают больные, на прием.

Какие больные, я никому не назначал! Выглянул из окна своей спальни. С высоты второго этажа был виден целый ряд карет. Неужели ко мне? Я с трудом вспомнил вчерашний вечер. Неужели Винченцо был прав?

Надо признать - венецианцев он знал куда лучше меня. Так, быстро умыться холодной водой, кофе с булочкой - здесь это было уже в порядке вещей. Оделся подобающим образом, спустился вниз - ешкин кот! Большая приемная была полна народа - синьоры и синьориты, богато и очень богато одеты, кто-то ухитрился приехать пораньше и оккупировал диванчик, кому-то слуги вынесли стулья, припоздавшие стояли. Я слегка поклонился и поздоровался. Голоса

смогли, и все уставились на меня.

- Синьоры, прошу по очереди в приемную, больше прошу не занимать очередь.

Подскочившему слуге бросил:

- Если кто еще придет, проси перенести визит на завтра.

Кто-то, прослышав о чудесном преображении лица Джульетты, хотел исправить физические недостатки, другой жаловался на болезни, дамы через одну хотели столь же красивое лицо, как у Джульетты. Кому реально мог помочь - назначил день операции, того, кто уверовал в сверхестественное, - отправил ни с чем домой.

Были и интересные случаи, где требовалось применить все мои знания, опыт и умение, даже на грани возможного. Итак, на послезавтра назначил операцию женщине - подтянуть лицо. Для себя я решил - день веду прием, другой день - операционный. На следующий день скопище карет стало еще больше, причем клиенты были знатнее, пытались зайти не по очереди, а по богатству и знатности. Вольности эти я сразу пресек:

- После смерти к архангелу Петру тоже по знатности проходить будете, синьоры?

Господа сначала оторопели, затем стусевались, и в дальнейшем скандалов в приемной не было.

Лицо пациентке, пятидесятилетней графине, подтянул удачно, хотя делал такую операцию в первый раз. Так же, как и в случае с Джульеттой, оставил ее у себя - да и куда ее можно было выпустить - с синим лицом и почти полностью замотанной бинтами головой? Правда, еду ей не привозили, своего Джузеппе у нее не было, тут уж я запряг своих слуг.

Через пару недель синева сошла, я снял швы, наложил свои мази и еще через неделю позволил графине посмотреть в зеркало. Внешне она помолодела лет на десять - пятнадцать.

Результат понравился, женщина крутилась у зеркала полчаса, оглядывая себя с разных сторон. Затем вдруг огорошила:

– А еще такую же операцию сделать можно? Я была бы не прочь помолодеть еще лет на десять.

– Пожалуйста, синьорита, вас и так слуги с трудом узнают. Следующую операцию, если вы не передумаете, можно будет сделать не раньше, чем через год.

Графиня надула губки, расплатилась и уехала в подъехавшей коляске. Вот и пойми после этого женщин.

Старому торговцу, с которым меня познакомил Винченцо, я исправлял ногу.

После перелома ниже колена срослось неправильно, пациент хромал, припадая на укороченную ногу. Увеличенный сапожником каблук не помогал. Пришлось сломать ногу снова по месту старого перелома и, поскольку аппарата Илизарова у меня не было, растягивать ногу грузом. Ничего, срослось, ходил потом, как в молодости, даже не хромя.

Так, в труде и заботах текли мои дни. Обыденность жизни была нарушена одной ненастной ночью. В двери раздался стук, причем стучали сильно. Слуга, чертыхаясь и запахивая наспех одетый халат, пошел открывать. В прихожую буквально ворвались два синьора в черных плащах, с них потоком лилась вода. С собой на плаще они несли мужчину. Был он худощав, бледен, на животе его расплывалось кровавое пятно.

– Хирург, ради святой Магдалины, быстрее! Наш господин умирает.

Я оделся, когда еще раздался стук, привычка, знаете ли. К врачу по ночам не ходят из-за мелочей, терпят до утра. Коли пришли – беда стряслась. Подошедши к раненому, которого поздние визитеры уложили на пол, задрал камзол и кружевную рубашку. М-да, судя по ране, удар шпагой, явно в селезенку. Если не прооперировать – умрет в ближайший час.

– Так, синьоры, берите вашего друга и несите в эту комнату. – Я прошел вперед, распахивая дверь.

Незнакомцы уложили раненого на стол.

– Быстро снимайте с него одежду, нужна срочная операция.

Незнакомцы буквально сорвали с раненого одежду. В это время я влил в рот пострадавшему вина с опиумом. Времени ждать, пока подействует наркотик, не было.

– Подойдите ближе! Один – держит раненого за руки, второй пусть возьмет в обе руки по светильнику и освещает живот раненого.

Я сделал разрез. Как мог быстро наложил зажимы на кожные сосуды, – времени перевязывать уже не было, – рассек мышцы, осторожно развел края раны, из живота выливалась кровь. Кровотечение массивное. Я расширил рану, ощупал селезенку – черт, чуть не пополам разрезана. Наложил зажим. Шить в кровавом месиве невозможно. Стал осушать рану салфетками, бросая их в тазик. Кучка салфеток росла с угрожающей быстротой. Все, брюшная полость более-менее сухая. Я провел ревизию – ничего, кроме селезенки не задето. Надо удалять селезенку и быстро зашивать. Пациент может загнуться в любой момент или от болевого шока или от массивной кровопотери. Наложив на сосуды селезенки двойные лигатуры, я пересек сосудистый пучок, рассек связки и вытащил селезенку, бросив в таз.

Оба незнакомца с ужасом смотрели на меня, один был сильно бледен, на лбу крупные капли пота – как бы в обморок не упал. Но обошлось, крепкие ребята, многие, даже здоровенные мужики при виде крови и кишок запросто теряют сознание, в лучшем случае их вывернет наизнанку. Знаем, проходили, дважды знакомые просились на операции – посмотреть. И оба раза тихо сползали по стенке. И смех и грех. Наложил швы, незнакомцы сняли пациента со стола и перенесли на кровать. Мужчина был жив, но плох, дыхание прерывистое, бледен, сознание смутное.

Без переливания крови – не жилец.

А где взять кровь да определить группу и резус? Будем полагаться на судьбу. Незнакомцы, расстелив влажные плащи на пол, улеглись рядом с койкой.

– Эй, синьоры, вы чего? Идите по домам. Все, что можно, я сделал, за ним теперь нужен уход.

– Вот мы и займемся уходом.

Я пожал плечами – пусть ухаживают. Однако мне не понравилось, что они при оружии – у обоих шпаги и кинжалы за поясом. Отобрать? – Могут и не отдать.

Ладно, черт с ними, на грабителей они не похожи, да и не будут грабители ранить своего товарища, чтобы проникнуть в дом.

Рано утром я пошел проведать пациента. Он был жив, и на первый взгляд ему было лучше. Нет, бледность была и сознание не приходило, но дыхание было ровным, пульс частил, но для пережившего кровопотерю и операцию был вполне, вполне. Я напоил раненого из глиняного поильника, он смог сделать несколько глотков.

В углу, на стуле сидел один из знакомцев, второго не было.

– А где?.. – Я обвел комнату глазами.

– За провизией пошел, скоро вернется.

Ну что ж, так оно и лучше, я же не обязан кормить и создавать комфортные условия сопровождавшим.

– А как звать раненого?

Незнакомец стушевался, что-то пробубнил под нос. Ладно, не хотят говорить – не надо. Но дело явно нечистое.

– Деньги за операцию есть?

- Найдутся, если не будете задавать лишних вопросов.

Нет так нет. Я жил здесь по принципу – меньше знаешь, дольше живешь.

Два дня больной боролся за жизнь, на третий день пришел в себя, знаками показал на свое пересохшее горло. Я даже среагировать не успел, незнакомец в черном подскочил первым и, налив вино в поильник, стал бережно поить раненого. Слава Богу, кризис, похоже, миновал.

С каждым днем пациент стал набирать силу, через неделю он уже сидел в постели, но от слабости его качало в стороны. На следующий день я застал его идущим по комнате, но с обеих сторон его поддерживали незнакомцы в черном. Еще дня через три он ходил уже сам, без поддержки. Я уже подумывал деньков через несколько с ним расстаться – швы я уже снял, как прекрасным осенним утром ко мне вбежал слуга: – Люди в черном исчезли!

- Что значит исчезли?

- Я встал утром, смотрю – дверь не закрыта на засов, дверь в комнату открыта нараспашку, на постели – записка и вот, – он протянул мне замшевый мешочек.

Что-то больно мешочек не велик, да и не брякает в нем ничего. Не слуга ли присвоил?

- А записка где?

- Сей же час принесу.

Вот олух, мешочек принес, а записку нет. Ну да, для неграмотного кошелек куда ценнее какой-то бумажки. Топоча ногами, слуга принес записку. Насколько я смог понять со своим плохим знанием итальянского, меня благодарили за лечение синьора, желали процветания, а в качестве оплаты с извинениями просили принять перстень с руки пациента.

Я развязал мешочек, на ладонь выпал мужской перстень из хорошего золота. На печатке был искусно сделан лев, вернее, его морда, вместо глаз – два бриллианта! Ну что же, стоит, наверное, дороже, чем мои затраты. Я надел

перстень на палец, он был немного великоват.

Я сунул перстень в карман, не ровен час – потеряю, и как-то подзабыл о нем на несколько дней. За работой – а ее скопилось много, пока я занимался неизвестным пациентом, – пролетело несколько дней. Выйдя вечером прогуляться, подышать воздухом после целого дня работы в помещении, я проходил мимо лавки ювелира и внезапно свернул в лавку. Надо уменьшить размер, под мой палец. Ювелир увидел перстень, повертел его в руках.

– Так что хочет синьор?

– Уменьшить под мой палец.

– Подождите немного, я недолго.

Он постучал малюсеньким молоточком, наладив перстень на какой-то валик, дал мне примерить. Вот теперь в самый раз.

– А сколько может стоить такой перстень?

– Извините, как давно у вас этот перстень?

– Несколько дней.

– Вы не знаете его историю?

– Увы, нет.

– Этот перстень – Неаполитанского королевства, я видел несколько раз такие, носят их члены королевской фамилии. Стоить может около, – тут ювелир замялся, – около трехсот золотых дукатов.

Ого, в мои руки попало ценное приобретение.

– Вам его подарили, синьор?

– Да, за работу.

– Не снимайте его в Неаполе – может выручить, но не афишируйте в других областях Италии, не все любят неаполитанцев.

Я рассчитался с ювелиром, поблагодарил за совет. Еще при осмотре мужчины со слугами в черном я заподозрил, что это не уличная драка или пьяная разборка; судя по одежде, привычке повелевать пациент явно не из торговцев. Ну и Бог с ним, что о нем вспоминать.

Тем более у меня предстояло любовное свидание. Надо сказать, что за полгода, проведенных в Венеции, женщин у меня почти не было, если не считать случайной встречи с одной из служанок, с которой я познакомился в лавке по продаже тканей. А я ведь был далеко не стар, и ничто человеческое мне не чуждо. Вот как раз сегодня шел домой к одной моей бывшей пациентке. Знойная итальянка сама набивалась на встречу, причем была замужем, но муж по торговым делам часто и надолго уезжал. От безделья бесится, ей бы на работу, в Россию, на нищенскую зарплату бюджетника. Ладно, не будем о грустном. Какой бы подарок выбрать?

Вот чем была забита моя голова. Цветами здесь не торгуют, идти с бутылкой вина смешно, у каждого итальянца в подвале целый склад бутылок с вином на любой вкус, конфет в лавчонках нет. Вот маленькая, но одновременно большая проблема.

Ломал, ломал себе голову – ну ничего путного, ни одной мысли. Неудобно, некомфортно современному человеку в чужом времени, чужой стране – не зная привычек коренных жителей. Да и Бог с ними, с привычками – простят в конце концов, спишется на чужеземное происхождение. Не мудрствуя более, купил изящной работы браслет из золота, сунул в карман. Вот и нужный мне дом.

Только я протянул руку к бронзовому молоточку, чтобы позвонить, как дверь открылась сама, и женская ручка втащила меня внутрь.

Громыхнул засов. Служанка взяла меня за руку и потянула с лестницы на второй этаж:

– Госпожа там!

Поднявшись, подивился убранству дома – смеси итальянской, восточной и африканской культур. Жаль, подробно и тщательно рассмотреть не удалось. Распахнулась дверь, вышла Анна, в черном шелковом платье с ослепительными серьгами в ушах. Сама – блеск! Продолговатое лицо, пышные черные волосы струятся до пояса, неплохая грудь, тонкий стан, великолепные бедра и круглая, соблазнительная попка. Подойдя, я поклонился, поцеловал ручку.

– Фу, как чужой!

Она обвила меня руками и впилась губами в мои губы, чуть прикусывая и лаская язычком. Начало обещающее.

Анна увлекла меня в спальню. Хорошая спальня, размером с ангар. У громадной кровати стоял столик с фруктами и вином. Я несколько пришел в себя от столь бурной встречи, вытащил из кармана браслет и с поклоном подарил его Анне. Полюбовавшись несколько мгновений на браслетик, Анна нацепила его на руку и посмотрела на себя в зеркало. Подойдя сзади, я обнял ее и нежно стал целовать в ушки, шепча все ласковые слова, которые знал и выпросил перед этим у слуг. Все-таки мой итальянский был обиходным и в какой-то мере медицинским.

– Ты так смешно говоришь, но у тебя приятный акцент. Продолжай.

От шейки я перешел на ключицы, и поскольку бретельки от платья мешали, спустил их вниз.

Освобожденное платье с шелестом упало на пол. Лифчиков и трусиков дамы еще не носили, и Анна оказалась в моих объятиях обнаженной. Я развернул ее к себе и жарким поцелуем закусил ей губы. Не отрываясь, Анна стала расстегивать на мне одежду, швыряя ее на пол. Оказавшись голыми, мы упали на кровать. Я поглаживал ее груди, наблюдая, как твердеют соски, ласкал языком ложбинку между грудей. Анна постанывала, закрыв глаза. Я спускался все ниже и ниже, покрывая поцелуями живот и бедра. Анна не выдержала, развела ноги и, рукой нащупав моего готового взорваться дружка, сама направила в горячее и влажное лоно.

О!.. Мой стон слился с ее. Я начал двигаться медленно, потихоньку проникая все глубже и глубже, Анну это завело. Наверное, привыкла к горячим итальянским

парням. Движения все убыстрялись, дыхание становилось частым, мы пришли к финишу одновременно, но я тихо кайфуя, а Анна с протяжным, громким криком. Я даже слегка испугался – что подумают служанки! Анна, убирая со вспотевшего лба волосы, успокоила.

– Служанка одна, она будет молчать, сюда не войдет. Неужели ты испугался? Давай выпьем вина.

Неплохо, дама в постели, вино, еще «Мальборо» не хватает для полного счастья.

Мы, смеясь, выпили по бокалу красного вина, лежали в постели. Я рассказывал современные анекдоты, переиначив их на понятные ей термины. Кому в постели понравится умелый любовник, но зануда. Женщинам всегда нравились мужчины удалые, смелые и с чувством юмора.

Далее Анна взяла инициативу в свои руки:

– Сейчас я доставлю тебе редкую ласку!

Итальянка начала целовать мне грудь, опускаясь все ниже и ниже. Дружок мой уже отдохнул, и головка его покачивалась – а кого здесь еще порадовать? Анна накрыла его умелым поцелуем. О! Класс! Давненько не пробовал таких ласк, почитай три века, соскучился. Анна была большой мастерицей, язычок нежно обходил головку, доставляя восхитительное наслаждение. Не могу, не могу сдержаться! Вытерев губы салфеткой, Анна, глядя на меня снизу веселыми глазами, спросила:

– Умеют так женщины из твоей страны?

Я не стал ее разочаровывать – женщины этого не любят.

– Милая, ты доставила мне веземное наслаждение, но и я тебя не разочарую.

Я немного перекусил фруктами, запил вином. Сейчас не отказался бы и от хорошей отбивной с картофелем фри, почему-то я после любовных игр любил набить брюхо. Я еще порассказывал разные смешные и увлекательные истории. Анна, слушая, то хохотала до слез, то, открыв рот, внимала про разные чудеса.

– И ты это все сам видел?

– Конечно, милая.

Когда я почувствовал в себе желание, снова стал ласкать Анну. Начал с пальцев ног – у женщин довольно чувствительное место, кстати, мужчины почему-то почти всегда игнорируют их. Затем перешел к ласкам бедер, дойдя до лона.

Когда Анна уже изнывала от желания, постанывала, закусив нижнюю губку, я перевернул ее на живот и, схватив с прикроватного столика флакон с каким-то масляным благовонием, вылил ей между ягодичками. Анна часто и глубоко дышала. Медленно, очень медленно я вошел в нее сзади. Анна сначала испугалась, а потом стала медленно сама надвигаться на дружка. Вот уже весь я в ней. Одна фрикция, другая, палец на клиторе. Анна уже не стонет от томления, она кричит от удовольствия в полный голос. Мне не дадут соврать, третий раз быстрым не бывает. Анна то конвульсивно дергалась и обмякала, то начинала активно помогать. Наконец и я приплыл.

Мне показалось, я неплохо провел показательное выступление. Анна в изнеможении лежала, раскинув свои великолепные волосы по подушке.

Наконец, к ней вернулись силы, она промочила горло вином.

– Я думала, умею все. Ты меня удивил, ты был великолепен. Где ты этому научился, говорят подобное практикуют греки.

– Милая, это долго рассказывать, я думаю, у нас впереди будет не одна ночь, мы сможем доставить друг другу еще много удовольствия.

Смотреть на нее было приятно – щечки разругались, глазки блестели, соски загорно торчали на роскошной груди. Венера!

Однако, пора было и честь знать. Я стал одеваться, Анна пыталась воспротивиться – еще только вечер, побудь со мной до утра.

– Милая, завтра утром придут больные люди, у меня должна быть свежая голова.

Мы расцеловались, и я клятвенно пообещал навещать Анну. Честно говоря, можно было и остаться, но грешен – люблю спать один, вольно раскинувшись на кровати. Тем более не люблю спать в кровати с замужней женщиной. А приведись – муж нагрывает? Зачем мне дуэль с непредсказуемым исходом?

История имела занятный финал. Мы периодически миловались с Анной, когда месяца через два она прибежала, расстроенная, ко мне домой.

– Муж приехал, а это мерзавка Фиорина грозит все ему рассказать.

– Успокойся, милая, кто такая эта Фиорина?

– Да служанка же моя! Что встречала и провожала тебя у дверей.

– Ну пока же не рассказала. Наверное, она хочет денег?

– Нет, ты представляешь, эта мерзавка сказала, что будет держать язык за зубами, если я устрою ей свидание с тобой!

Я думал недолго.

– Так в чем дело, пусть сегодня вечером придет ко мне домой!

– А я?

– К тебе вернулся твой супруг, ходить к тебе я не могу, да и если ты будешь надолго отлучаться из дома, муж может что-нибудь заподозрить.

– Да, милый, ты прав.

Эх, было видно, что Анне страсть как не хочется уступить служанке, но страх быть раскрытой преобладал.

Вечером ко мне пришла Фиорина. Вполне симпатичная особа лет тридцати. Видно, страстные крики и стоны хозяйки возбудили в служанке женский интерес. Ну что же, пока хозяйка занята, я не прочь заняться с ее симпатичной

служанкой. Закрыв за собой дверь спальни и раздевая Фиорину, я прикрыл ей рот пальцем:

- Только тихо! Слуги внизу могут услышать.

Глава 2

Слава моя как искусного хирурга росла и крепла. Ни один день не обходился без многочисленного приема. Мелочью, вроде панариция на пальце, я старался не заниматься, серьезной работы было выше крыши.

В один из дней на прием пришла молодая девушка, краснея и стесняясь, она поведала о своей беде – грудь маленькая. Я попросил ее раздеться. М-да, маленькая – не то слово. Девушка была почти плоской – соски были, а груди не было. Попка была, наоборот, довольно упитанная.

У меня мелькнула мысль – коли до силикона еще далеко, попробовать пересадить ей под молочные железы жир с ее же собственной попы. Никакого отторжения не будет, ткани-то собственные. Только вот как получится? Я в двух словах объяснил девушке – что хочу сделать. Не раздумывая, она согласилась. Дочь крупного торговца, она не могла надеть декольтированного платья по здешней моде. Да и закрытое платье не скрывало дефекта.

Операцию назначил на завтра. Пациентка появилась вовремя. Напоив опиум и уложив на операционный стол, обработал спиртом чуть не все тело – ведь мне придется делать четыре разреза. Поскольку ассистентов не было, решил начать с одной стороны. Сделав лампасный разрез по левой ягодице, выкроил приличный кусок жировой ткани, ушил. Сделав боковой разрез на грудной клетке, поместил кусок жира под ткани молочной железы. Не очень большая грудь получилась – на второй номер, но это лучше, чем сейчас. То же самое проделал и с правой стороной. Немного затянул по времени, девушка уже начала постанывать от боли.

- Все, милая, потерпи немного, я скоро заканчиваю, осталось два шовчика.

Наложил тугую повязку поперек груди, перенес пациентку на кровать. Не знаешь, как и положить – спереди больно и сзади больно. Дал напиток воды.

– Отдыхай, девочка, все будет хорошо.

Вечером ко мне пожаловал Винченцо. Вытащил из карманов пару бутылок французского вина:

– Пробуй, думаю, ты не пил такого.

Ну что же, я не против. Вино в самом деле оказалось превосходным. Разговорились, купец рассказал подробности плавания, сел на своего любимого конька – где какие товары и цены, какую маржу можно получить. Говорить об этом он мог часами, особенно подшофе. Я слушал вполуха, и вдруг меня что-то в его словах насторожило:

– Извини, Винченцо, повтори, что ты сказал.

– Ну так вот, в Европе прошли слухи, что русский царь Петр взял все-таки месяц назад Азов, разгромил османов, теперь Азов московский, с Османской империей подписан мир.

Сразу вспомнилась Россия, особенно зимой – морозец, снег хрустит под ногами, пар изо рта, горки, кидание снежками.

Благодать, не то что здесь – лето, лето, затем дожди и зима прошла. Так внезапно защемило сердце – и что я здесь делаю, в благословенной Венеции? Моя Родина там. В конце концов, не обязательно служить в армии, дело для моих рук всегда найдется и на мирной службе.

Да, пришла пора возвращаться, денег я уже подкопил, можно и корабль купить, а можно пассажиром на каком-либо судне вокруг Европы до России добраться. Все равно мне через Босфор путь заказан. Северо-западный берег весь под османами, южный тоже, на западном – ногаи, верные холопы турок, Крым – отдельный разговор. Короче, с юга до Москвы добраться сложно.

А Винченцо говорил и говорил. Задумавшись, я снова пропустил важные слова.

- Прости, Винченцо, мысли о Родине отвлекли, все-таки царь Петр – это моя родина и мой царь.

- Да, да, я понимаю, Юрий. Так я говорю – почти по всей Европе война, то Англия с Испанией, то Франция с Италией. Не поймешь – что делать?

М-да, и здесь дорога не будет сладкой. Может, лучше по суше? Так треть Европы под турками, германцы тоже, небось, с соседями воюют. Наверное, самый надежный путь – морем. А Винченцо все говорил и говорил:

- Ну, так что Юрий, ты будешь покупать этот дом?

Опять прослушал, неудобно перед венецианцем:

- Нет, Винченцо, пока с домом подожду.

Мы допили вино, распрощались, я пошел проведать пациентку. Девушка спала. Погруженный в мысли о России я тоже лег, но сон не шел. Черт, разбередил душу этот венецианец.

Не уснув, прокрутился в постели почти до утра. Утром встал с постели невыспавшийся, но с четким ощущением – надо возвращаться на родину. Не мое это все. И природа в Италии замечательная, и климат мягкий – я даже теплых вещей не приобрел, люди неплохие – открытые, эмоциональные, веселые, но не мое. Чужой язык, не до конца понятые привычки – чего стоит только эта активная жестикуляция руками при разговоре – как будто глухонемые разговаривают, или два поддатых мужика собираются подраться.

Решено, долечу тех, кто уже прооперирован или кого назначил на операции, бросать дело на середине – несолидно, тем более люди уже обнадежены. А там и собираться надо; если затянуть месяца на два, на море начнутся штормы, похолодает. Мне ведь на север плыть придется, надо учитывать изменение погоды, это не теплая Италия.

Каждый день я кого-то оперировал. За серьезные операции не брался, опасаясь застрять надолго в случае осложнений. Время неслось, не успел оглянуться – две недели пролетели.

Собирать вещи – так особенно и нет ничего. Обе картины Рембрандта, деньги, небольшой узел с одеждой. Вот кого мне надо было посетить, так это оружейника. Живя в благословенном краю, я совсем отвык от ношения оружия и даже его не приобрел после плена.

Слуги привели меня в лавку оружейника. Чего там только не было – щиты любых форм и размеров, мечи короткие, длинные, с прямым и волнистым лезвиями, шпаги, сабли, алебарды, копья, дротики, луки и стрелы, ножи и кинжалы. Что интересно – все оружие только холодное.

Оружейник стал нахваливать свой товар. Но на лесть я не падок, на рекламу – тоже.

– Мне нужна шпага толедской работы и сабля дамасской стали, и пара хороших ножей – один маленький, второй – кинжал.

Торговец не ожидал от меня столь неожиданного заказа. Выложил ножи и кинжалы на прилавок. Глаз сразу выхватил граненый стилет – лезвие синевато поблескивало, удобная рифленая рукоять из черного эбенового дерева, простые ножны. Отлично.

– Теперь шпагу!

Оружейник сгреб ножи, отнес в угол, оттуда же принес две шпаги. Я достал клинок из ножен – вдоль лезвия шел узкий дол. Поближе к обушку, вдоль обуха тянулась надпись – Толедо, для армии короля. Я согнул шпагу – пружинит хорошо, с тонким пением шпага распрямилась. Отлично, в бою после удара такая не переломится. Гарда хорошо защищает руку, рукоять обмотана шнуром, такая лежит в ладони как приклеенная, не скользит в потных или окровавленных руках. Беру. Второй клинок я и смотреть не стал.

– Сабель дамасской стали нет. Могу предложить вам, синьор, отличную бриганту миланских мастеров.

Я отказался – тяжело и неудобно, к тому же я не профессиональный воин, которому без защиты не обойтись.

– А как насчет пистолетов?

– Извините, синьор, у меня только холодное оружие, этим новомодным огненным боем не занимаюсь, но подскажу, где вы можете найти себе пистолеты.

Он подробно объяснил, где находится лавка другого оружейника.

Расплатившись, я повесил шпагу к поясу, кинжал заткнул за пояс. Через полчаса неспешной ходьбы стоял у лавки другого оружейника. Вдоль стен стояла пирамида с ружьями и мушкетами, на противоположной стене висели кремневые пистолеты – итальянской, немецкой, восточной работы – уж турецкий ни с какими другими не спутаешь. Хозяин вышел из-за прилавка, слегка поклонился.

– Чего желает синьор?

– Хочу пару пистолетов, если есть, то лучше винтовальные.

– Чужеземец хорошо разбирается в пистолетах.

Оружейник наклонился и достал из-под прилавка нечто вроде деревянного атташе-кейса. На черном бархате лежали два совершенно одинаковых пистолета. Что-то знакомое.

Я взял один в руки, повертел. Да, такие же делал в Москве по моему заказу оружейник. Я заглянул в ствол – вот и нарезы такие же. Вот где мы встретились!

– Беру! К ним еще английского пороха, пыжи и пули, лучше в дорожном наборе.

– Как скажет синьор.

Сумму за покупки я выложил приличную, но теперь можно будет путешествовать с большей уверенностью. В России, например, выходя без оружия, я чувствовал себя почти голым, очень неудобно.

Прошла еще неделя, я заканчивал недоделанное, сокращая прием больных, одновременно собирался в дорогу – купил теплый плащ, шляпы из плотного сукна, короткие сапожки из свиной кожи, дорожный кофр.

Уже уложив вещи, пошел поговорить с Винченцо, одновременно узнать, какие корабли в ближайшие дни идут на север – во Францию или в Англию, а если повезет, то и Германию или Литву, что было бы совсем хорошо. Хорошо посидели с купцом. Выпив, Винченцо прослезился:

– Не уезжал бы ты, Юрий. В городе тебя узнали, о тебе даже дож знает, люди любят, дело свое наладил, зарабатываешь, чего тебе еще надо?

– Эх, как тебе объяснить, приятель. На Родину тянет, по снегу походить, поговорить по-русски. Родина у человека одна, даже птицу в свое гнездо тянет, что о человеке говорить. Опять же, родня у меня там.

– Да, это якорь. А по мне – где жить приятно, там и жить надо.

– Ну ты же не живешь в Турции.

– Сказал тоже, они же не христиане, как можно?

– Вот ты сам и ответил.

Венецианец обещал завтра же узнать в порту – нет ли okazji для меня и сразу сообщить. В обед на следующий день прибежал взмыленный матрос от Винченцо.

– Синьор, есть подходящее судно для вас, идет в Португалию, скоро отплывают, Винченцо просил поторопиться.

– Хорошо, вот тебе пара монет. – Я дал матросу пару оболов. – Помоги донести багаж.

Я простился со слугами, подхватил плащ и шпагу и поспешил за матросом, который взвалил мой кофр себе на спину и быстрым шагом шел в порт.

У причала меня ждал Винченцо:

– Пойдем, познакомлю с капитаном. Они уже собирались отплыть, да я попросил повременить, тебя ждут.

Мы подошли к пузатой каракке, перед ней по пирсу прогуливался такой же пузатенький капитан, с рыжей шкиперской бородкой и веснушчатым лицом.

Увидев Винченцо, он подошел, снял шляпу:

– О’Брайен к вашим услугам.

– Так вы ирландец, сэръ? – спросил я на английском.

– Да, а как вы угадали?

– Что же тут сложного – рыжие с такой фамилией, по моему, встречаются только там.

– Верно! У вас чутье! – И громко захохотал. Похоже, весельчак.

Мы договорились, что мне выделяют каюту и будут кормить – в этом месте капитан развел руками:

– Деликатесов не обещаю, судно торговое, но с голоду не умрете, тем более мы будем заходить в некоторые города, сдать груз, взять груз, так что свежая вода и продукты будут. Вам куда надо, сэръ? Мне ваш друг и мой давний знакомец говорил, что в Московию?

– Да, это так, чем ближе к северу вы меня отвезете, тем лучше.

– К сожалению, не дальше Амстердама, сэръ, там я разгружаюсь и иду в Англию.

Мы договорились об оплате, я обнял в последний раз Винченцо – он даже всплакнул, и вслед за капитаном поднялся на борт судна. Кофр мой уже стоял на палубе.

Сходни тут же убрали, по палубе забегали матросы, как всегда бывает при отходе, и под одним парусом мы медленно отвалили от причальной стенки.

Я стоял у борта и махал рукой Винченцо. Добрый итальянец, он вытащил меня из плена, ссудил денег для открытия дела и вообще принял участие в моей судьбе.

Удастся ли когда-нибудь свидеться?

Ко мне подошел матрос. Взяв кофр, попросил следовать за ним. Каракка была огромна – метров семьдесят в длину, верхняя палуба возвышалась над уровнем моря на высоте третьего этажа.

Устойчива, однако скоростью не блещет, ее главное достоинство – вместимость, трюмы просто безразмерны. Моя каюта была на первой палубе, у кормы. Невелика по размеру, два на два метра с узеньким оконцем – но со стеклом, тогда это было редкостью. Койка, под койкой – рундучок для вещей, вешалка у входа – вот и вся скромная обстановка. Ладно, мне здесь не жить, всего-то недели две-три. Перебьемся, это не в плену в сарае на соломе. Сняв плащ, шпагу, уложив в рундучок кофр, я вышел на палубу.

Красотища! Лазурный цвет моря, зеленые горы, синее небо, волны плещут о борт. Несильный ветер надувал паруса, каракка неспешно шла вдоль берега, милях в полутора-двух от него. Полюбовавшись красотами, обошел судно. У меня это уже вошло в привычку. Как говорится в пословице: «Береженого Бог бережет, небереженого – караул стережет». Жизнь научила относиться к своей безопасности всерьез. На палубе специального вооружения я не нашел, спустился вниз. По бортам с обеих сторон стояли по две небольшие пушечки.

Странно, очень странно, на таком большом судне должно стоять два десятка. Торговая каракка – судно очень заманчивое для пиратов всех мастей, к тому же тихоходное, команда невелика, защищать некому. У матросов торговых судов ни abordажной практики, ни боевых навыков нет, может только случайно у отдельных членов команды были в прошлом темные делишки. Сам капитан, по словам Винченцо, человек солидный, в авантюры не лезет, но уже нахождение на самом таком судне чревато неприятностями. Лучше было бы плыть на небольшой быстроходной шхуне, да где ее взять. Оставалось надеяться на благоразумие капитана. Далеко в открытое море он не выходил, жался ближе к берегам, надеясь в случае опасности уйти под защиту любого ближайшего

городка. Но до него еще добраться успеть надо. Это здесь, в Ионическом или Тирренском море относительно спокойно, а в Средиземном море, когда Африка рядом и мусульманские шебеки или галеры так и рыскают поодиночке и стаями в поисках наживы? Для себя я решил держать пистолеты заряженными, шпагу и кинжал далеко не убирать. Как говорится: «Хочешь мира – готовься к войне». Меня не раз спасала такая осторожность. Еще немного полазив по палубам и коридорам корабля, дабы не плутать в нужный момент, я вышел на палубу. В этот момент меня пригласил на обед капитан, прислав матроса.

Обедали в кормовой каюте. Вместе со мной и капитаном за столом сидели старший помощник и штурман, он же, как я понял – стивидор. Подавали жареные отбивные с тушеной капустой. Обильно вино и фрукты. Полная смесь кухонь – что-то немецкое, что-то итало-французское.

Наверное, морякам это свойственно. После обеда моряки достали трубки и затянулись душистым табаком. Я поинтересовался – почему пушек мало, и не боится ли сэр капитан пиратов.

– Сейчас мы идем в виду берегов и при опасности сразу уйдем к любому городу, поглядите – городки все недалеко друг от друга, сразу можно увидеть два-три. После Неаполя, как разгрузимся, должен быть караван судов на Испанию или Португалию, примкнем к ним.

Ну негоже мне учить старых морских волков. Они знают местность, моря, им ведомы излюбленные приемы пиратов. Раз плавают долго – стало быть, должны быть опытны, неопытных и неосторожных уже крабы на дне давно съели.

К вечеру второго дня прошли Мессинский пролив, огибая итальянский сапог. По левому борту виднелась Сицилия. Плавание проходило без происшествий, и я наслаждался отдыхом. Но ночью судно стояло на якоре. Тирренское море изобиловало островками и мелями. К вечеру следующего дня пришли в Неаполь. Уже смеркалось. На берегу бухты уютно светились огоньки. Надо выспаться. Пока разгружается судно, можно побродить по городу; в мое время люди за турпоездки деньги платят, так почему мне не посмотреть местные красоты. После утреннего завтрака я поинтересовался у О'Брайена, как долго простоит судно.

– Дня три, сэр. Надо разгрузиться, взять новый груз. Можете осмотреть город, отдохнуть, рекомендую на ночь возвращаться ночевать на судно. В Неаполе, впрочем как и в Марселе, по вечерам беспокойно, хорошо, если только побьют и отберут кошелек. Местные развлекаются, да и моряков с судов после выпитого на приключения тянет.

– Спасибо за совет, сэр!

Я откланялся, спустился в каюту, нацепил шпагу, сунул за пояс один пистолет – не на войну все же иду, подумал-подумал и нацепил на палец перстень со львом, что получил в качестве гонорара. Недалеко от порта почти все улицы через дом были забегаловками, оттуда уже с утра доносились веселые крики, песни на самых разных языках. И то – вся бухта была забита торговыми, рыбацкими и военными кораблями.

Заработав деньги в море, на суше моряки спускали деньги на выпивку и шлюх, причем как будто соревнуясь – кто скорее окажется с пустым кошельком.

На улицах к прохожим приставали дешевые, потасканные шлюхи, полупьяненькие, часто с синяками на лице.

Бесцельно побродил по улицам. Наткнувшись на общественные бани – зашел, снял отдельный кабинет, в ванне с удовольствием полежал, затем двое прислужников губками натерли спину.

Обтершись полотенцем, отказался от умащивания благовониями. Хорошо, а еще бы лучше в русскую баньку, с паром, с веником, да выскочить потом в снег, попить пива с вареными раками в мужской компании, поговорить про жизнь, потравить анекдоты. Хуже ходить с женщинами – визгу, писку много, вечные капризы с надуванием губок.

Ничего, еще несколько недель, а может и месяцев, как раз к зиме и попаду в Россию.

После бани, даже такой скучной, захочешь перекусить, попить пива или хорошего вина. Выбрал трактир поприличней, зашел, присмотрел удобный столик поближе к окну и подальше от входа. Заказал жареную курицу с овощами, вина. Здесь в трактирах не варили супов или борщей, но хорошо

делали мясные и рыбные блюда. Всегда с овощами и специями, а вина стоили не дороже русского пива.

Не спеша покушал, прихлебывая очень неплохое вино. Привлек разговор за соседним столиком – даже не тем, что говорили тихо, а тем, что по-русски. Я невольно прислушался – одна служанка дома... по-быстрому... на судно. Похоже, земляки затевали какую-то пакость. Одеты почти по-европейски, кабы не сапоги. Местные в основном в туфлях. В сапогах или военные или верховые.

Из интереса я решил проследить за парочкой. Доев, они вышли и, стуча сапогами по каменной мостовой, направились по улице.

Расплатившись, я выскочил на улицу. Никакого понятия о конспирации у земляков не было. Посчитав, что по-русски здесь никто не понимает, они особенно и не таились. Пропустив их вперед метров за сто, я спокойно шел.

Попетляв по городу, парочка свернула за угол. Я свернул тоже и никого не обнаружил. Вот следопыт, двух шпыней проследить не смог. Прошел еще вперед, покрутился – никого. Вероятно, зашли в дом. Ну и черт с ними, не больно-то и надо было. Погуляв еще по городу, посетил несколько лавочек, но не обнаружил ничего интересного и отправился на корабль, уже начинало садиться солнце.

И вдруг я увидел эту же парочку земляков в компании еще с двумя такими же, судя по одежде. Да и рожи их, обросшие бородами, потемневшие и задубевшие от солнца и морского ветра, не внушали доверия, а, скорее, пугали уже редких прохожих.

Я свернул за ними, стараясь идти тихо. Напрасные хлопоты, теперь уже четверка.

Шли не оглядываясь, довольно громко болтая и хохоча во все горло. Но вот вся четверка как-то подобралась, замолчала. Я вжался в какую-то подворотню. Очень вовремя. Земляки стали оглядываться по сторонам, явно опасаясь. Никого не увидев, поочередно перемахнули через забор. Выждав несколько минут, последовал за ними и я. Во дворе был ухоженный садик с аллеями и фонтанчиком. Я спрятался за кусты. Где земляки, непонятно. Садившееся солнце отбрасывало от деревьев длинные тени, и в некоторых местах было уже

сумеречно. Плохо видно. Из дома раздался женский вскрик. Ждать не стоит. Я ворвался в дверь, благо она была не закрыта.

Двое разбойников держали за руки пожилую служанку, еще один держал у нее перед глазами нож. Последнего видно не было – скорее всего, рылся в сундуках или шкафах. Пока вся разбойничья троица на мгновение замешкалась от неожиданности, я прыгнул вперед и вонзил шпагу в грудь тому, кто держал нож. Разбойник без звука рухнул на пол. Двое державших женщину отпрянули в сторону, выхватывая кривые матросские ножи.

– Панфил, обходи этого урода справа, – сказал один по-русски.

Ага, я же не должен понимать русского. Так и сделаем вид, что не понимаем.

Я слегка повернулся влево, краем глаза следя за остающимися справа. Матросский нож штука практичная – и веревки резать, и дерево строгать, а будет необходимость – и людям глотки.

Я сделал полшага назад, не давая зайти с тыла. Уловив движение справа, тут же перевел туда шпагу и разбойник, что кинулся на меня, сам же на нее и напоролся, шпага вошла чуть не на всю длину, почти по эфес в живот. Выронив нож с выражением удивления на лице, он схватился обеими руками за лезвие шпаги, пытаясь вырвать из раны. Я бросил рукоять шпаги, выхватил кинжал и мгновенно обернулся. Второй разбойник не дремал и выбросил руку с ножом вперед, метя мне в спину. Наши клинки столкнулись. Я саданул его кулаком левой руки в глаз. Его мотнуло в сторону, я резанул кинжалом по руке, поздно вспомнив, что у меня стилет. Им хорошо колоть, но трехгранное лезвие по определению не может резать. Противник заорал:

– Тимоха, быстрее сюда, этот гад Панфила убил!

Если сейчас прибежит второй, будет тяжело. Времени вытащить шпагу из убитого нет, против двоих с ножами стилет – не самое выгодное оружие. Придется применить пистолет. Я вытащил из-за пояса пистолет, взвел курок и, не скидывая, – что тут целиться – между нами от силы три метра, – выстрелил ему в грудь. Ба-бах! Шумно, мне бы этого не хотелось.

А где служанка? В пылу драки я не заметил, куда она исчезла. Сверху, со второго этажа слышались быстрые шаги, наверху, на балюстраде появился Тимоха. За спиной болтался узел, карманы оттопыривались, знать уж что-то нашел в чужом доме.

Увидев трех своих убитых, взревел зверем и прямо с балюстрады сиганул вниз. Пока он поднимался и выхватывал нож, я отбросил разряженный пистолет и, уперев ногу в брюхо убитому Панфилу, выдернул шпагу. Против шпаги нож – не оружие, все-таки лезвие у шпаги семьдесят сантиметров. Тимоха выглядел разъяренным, как же, трое подельников убиты, а его вот-вот лишат законной прибыли.

– Ну, сейчас я тебя урою, проклятый итальяшка!

– Посмотрим, кто кого уроет, шпынь!

От моего русского разбойник слегка растерялся.

– Что ж ты земляков режешь, или в охране?

– Какой ты мне земляк, разбойник, место твое на виселице!

Тимоха кинулся на меня, но я не расслаблялся ни на миг, коротко успел полоснуть по руке – хорошо полоснуть, до кости, но вскользь.

Обратным ходом шпаги – по груди. Шпага рассекла одежду и кожу. Грудь окрасилась кровью, но рана была неглубокой, от таких не умирают.

Тимоха здоровой рукой зажал раненую, исподлобья глядел на меня:

– Добивай, пользуйся положением!

– Ты кто такой и откуда?

– Матросы мы, с купца литовского!

Ага, вот значит как, – перешел я на русский говор, совсем забыв, что большая часть населения княжества Литовского говорит по-русски.

Больше ничего я спросить и сделать не успел. Распахнулась дверь, влетели городские стражники. Четверо держали алебарды, на груди кирасы, на голове шлемы, пятый, старший, держит в руке шпагу.

Из-за его спины выглядывала испуганная служанка.

– Всем оружие на пол!

М-да, против четырех алебард и шпаги делать нечего, или башку смахнут или руку отрубят. Меня не устраивали оба варианта, я разжал пальцы, и шпага звякнула об пол. Стражники подскочили, веревками связали руки обоим, подобрали наше оружие, скомандовали:

– Пошли!

Служанка показывала пальцем на Тимоху.

– Он тут главарь, по дому шарил, а этот, – показала она на меня, – с ними чего-то не поделил, подрались, произошло смертоубийство.

– Разберемся, суд на это есть.

Меня, связанного вместе с Тимохой, повели по улице. Уже осведомленные о происшедшем жители выбегали на дорогу, плевались, обзывали непотребными словами, пытались ударить или пнуть.

Стражники лениво их отгоняли, но только для проформы, мне перепало несколько хороших ударов. Поделом тебе, дураку, супермен хренов. Не делай добра, не получишь зла – как в русской поговорке. Неизвестно, сколько сидеть в их тюрьме, когда суд. За это время О’Брайен погрузится и, не дождавшись, уйдет. Черт с ними, с вещами и деньгами, уплывут в неизвестность две картины Рембрандта, что лежали скрученные трубочкой в кофре. Потеря невозполнима. Ха, да что я о картинах. Еще неизвестно, как посмотрит на все это дело суд. Служанка показывает на меня, как на поделника, да еще три трупа и раненый,

который постарается свалить на меня всю вину. А с разбойниками нигде – ни в Европе, ни в Турции, ни в России – не церемонятся. Суд обычно недолог, приговор – повешение – исполняется сразу. Правильно, однако – чего в тюрьме за городской счет кормить. Как же мне доказать свою невиновность?

Через полчаса нас подвели к городской тюрьме, замку, я бы сказал. Высокие толстенные стены, узкие окна-бойницы, забранные толстыми ржавыми решетками, перед стенами ров с водой и опускной мост.

Тимоха как будто прочитал мои мысли:

– Отсюда хрен сбежишь!

Нас обоих провели по коридорам, развязали, гремя ключами, открыли дверь и втолкнули в камеру. Копия шведской, только окна нет.

На полу утоптанная старая солома, никаких лежаков или табуреток, куча народа, в основном бомжеватого вида и запах – от немывтых тел, от параши в углу. Воздух спертый. Нас встретили безразлично, мы нашли место в углу, уселись на пол. Тимоха засмеялся.

– Ты чего?

– Ну вот и чего ты нам помешал? Жил бы себе спокойно, а теперь три моих товарища убиты, я ранен, и мы оба в тюрьме. Кому от этого лучше?

Надо признаться, резал он по-живому. Я и сам поймал себя на этой мысли. Ладно, утро вечера мудренее, надо отдохнуть, хоть и на полу. Наворочавшись, я уснул. Утреннее пробуждение было не самым радостным. Проскрежетал ключ в замке, двери распахнулись.

С порога тюремщик указал пальцем на троих старожиллов камеры:

– Ты, ты и ты – на выход.

После их ухода я спросил у соседа – куда их?

- На суд, ежели не вернутся - вздернули.

Через час забрали еще двоих сидельцев.

Время тянулось медленно, хотелось пить, но ни еды, ни питья не приносили.

Приблизительно в обед пришли за нами.

Меня и Тимоху привели в зал, поставили перед судьей. Сзади стояло двое стражников. В самом зале для присутствующих стояли длинные деревянные скамейки. Я увидел служанку из дома. Настроение упало - не зная сути дела, она будет рассказывать о происшедших событиях со своей точки зрения. И еще вопрос - кому поверит судья - ей или мне. Тем более никакого адвоката я здесь не увидел, а лицо судьи не предвещало мне, так же как Тимохе, ничего хорошего.

- Кто вы такой, назовите свое имя.

- Юрий Кожин, хирург из Венеции.

- Как вы попали в дом синьора Бертолуччи?

Я правдиво рассказал, как сошел на берег, в корчме услышал разговор и далее по порядку. Затем допросили Тимоху. Этот мерзавец, чуя, что добром суд не кончится, врал напропалую, назвав меня организатором и главарем, которому они все вынуждены были подчиняться под страхом смерти.

В заключение служанка рассказала, что видела сама - я ворвался в дом, убил троих. Надо сказать - расписала она меня в самых худших красках, не забыв упомянуть о кровожадном блеске в глазах, дьявольском смехе и прочей бесовщине. Я чувствовал, что настроение публики не в мою пользу. Надо что-то срочно предпринимать, если судья сейчас вынесет приговор, обжаловать его я не смогу - меня как вора повесят.

- Синьор судья, мои слова может подтвердить уважаемый в Неаполе человек.

– Да? И кто же он? Такой же разбойник? – В зале засмеялись. Похоже, дело шло к роковой развязке.

Я снял с пальца перстень, подошел к столу судьи и показал:

– Знаком ли вам, ваша светлость, этот перстень?

Судья бросил взгляд на перстень и замер.

– Откуда у тебя это?

– Подарок от высокого господина.

– Так ты хочешь, чтобы он свидетельствовал за тебя?

– Я просто прошу известить его и передать ему эту вещицу.

Судья думал недолго.

– Судебное заседание откладывается до выяснения всех обстоятельств.

Нас отвели в камеру, чему сокамерники удивились.

– Вас что, на галеры определили?

– Нет, пока суд отложили.

– Такого никогда не было!

Я пожал плечами и уселся в угол. Удавить, что ли, Тимоху? Этот гад сознательно меня топит. А если его смерть в камере расценят как еще одно подтверждение моей кровожадности? Нет, не стоит марать руки. Подожду, чем закончится суд.

До завтрашнего дня ждать не пришлось. Двери ржаво заскрипели, тюремщик ткнул в меня пальцем:

– Выходи!

Тимоха тоже встал, но тюремщик его осадил:

– Сидеть! Не то получишь палкой по хребту.

Тимоха обреченно уселся.

Меня завели в зал суда.

Удивительно – судья стоял, угодливо согнувшись в полупоклоне. На его месте, развалясь, сидел в вольготной позе синьор. Я бы его не узнал, коли не два незнакомца в черном. Синьор сидел в бирюзовом камзоле, широкополой шляпе с пером, на груди красовалась массивная цепь с какой-то бляхой – то ли вензель в круге, то ли еще что, я не разобрал. Незнакомец встал, подошел ко мне.

– Спаситель мой! Рад приветствовать тебя на моей земле. Забудьте про это маленькое недоразумение. Судья слегка заблуждался, но я его поправил. Прошу извинить его. Пойдемте со мной, мой друг! Здесь, в моем городе, я смогу подобающим образом принять вас, чтобы Неаполь остался в вашей памяти как благословенный и благодарный город.

Незнакомец повернулся к судье:

– Разбойника повесить, против него достаточно показаний моего друга. Отобранное у моего друга оружие привезти ко мне домой в замок немедленно.

Мы вышли, судья согнулся в прощальном поклоне. У ворот тюрьмы стоял поистине королевский экипаж, запряженный четверкой коней. На дверцах кареты красовался красочный вензель, такой же, как и на цепочке у незнакомца. Люди в черном распахнули дверцу, опустили ступеньки.

Мы уселись в карету, сопровождающие вскочили на лошадей, и кавалькада тронулась. Краем глаза я видел, что, когда мы проезжали по улице, горожане снимали шляпы, дамы приседали в полупоклоне. Видно не простая птица этот незнакомец.

Словно угадав мои мысли, незнакомец улыбнулся:

– Пришла пора познакомиться. Я знаю, как вас звать, синьор Кожин. Я королевич Неаполитанский, отец мой уже стар и не встает с постели. К сожалению, у королевства много врагов, которые хотят прибрать территории благословенной Неаполитанской земли к своим рукам. Венецию с тайной миссией я посещал по поручению моего отца и монарха, да продлятся годы его. Теперь вы все знаете, мое инкогнито раскрыто, для вас я отныне князь Неаполитанский Доминико Аркеле.

– Кто же вас ранил тогда?

– Мои враги и враги Неаполя. Мне так тогда и не удалось встретиться с дожем Энрико, хотя придворные дожа договорились о встрече. К моей зависти, у дожа, как и у Генуи, сильный флот, конечно уже не такой, каким он был в битве при Кьодже.

Доминико откинулся на спинку сиденья, достал из кармана перстень, что передавал мне еще в Венеции и протянул:

– Перстень носите на пальце, он вас выручил в трудную минуту. Теперь честь моя чиста – вы спасли мою жизнь, я оплатил тем же.

Мы выехали в старинный замок, слуги распахнули двери. Доминико отдал распоряжение, позвал одного из людей в черном:

– Он вас проводит, доверьтесь ему, после тюрьмы необходимо отмыться и переодеться.

В зале с мраморным полом стояло несколько деревянных ванн, напоминающих здоровенные тазы. Я разделся, с наслаждением залез в чан. Слуги начали активно тереть мочалками. Когда вода стала грязной, меня попросили перебраться в ванну с чистой водой. Интересная помывка! К концу моего мытья вошел слуга, мне дали почти новую чистую одежду, подали мой же пояс со шпагой, стилетом и пистолетом – успел-таки доставить судья!

После помывки цирюльник усадил на скамью и выбрил. Теперь бы поесть, и я бы чувствовал себя уже сносно. После всех процедур – чистый, выбритый, в чистой одежде я был проведен в трапезную – огромный зал персон на двести, где были только я и Доминико.

Стол ломился от яств – рыба вареная и копченая морская, мясо жареное, овощи и фрукты, вина самые разнообразные.

После того как мы насытились, причем мне пришлось сдерживаться, чтобы не начать хватать мясо или рыбу руками и не запихивать жадно в рот, – за время, проведенное в заточении, меня, как и других пленников, не кормили и не поили. Почувствовав тяжесть в желудке, я притормозил с едой, отдав должное винам.

После ужина Доминико вышел на громадный балкон, последовал за ним и я.

– Я бы хотел, уважаемый синьор Юрий, чтобы вы остались в Неаполе. Город мой больше Венеции, у вас умная голова и прекрасные руки, такие хирурги нужны в любом городе. Я дам вам в аренду поместье, слуг – вам не придется ни в чем нуждаться. Что вы на это скажете?

Внутренне я даже не колебался. Стоило уезжать из Венеции, где уже были налажены связи, был круг пациентов, чтобы все снова начинать на другом месте. Сердце мое все равно оставалось в России.

Я поклонился Доминико, приложил руку к сердцу:

– Сердце мое и душа принадлежат России, царь Петр сейчас ведет войну с Османской империей и шведами: не обижайтесь, князь, я патриот России и хочу в трудное время быть на родине.

Князь молча пожал мне руку, похлопал по плечу.

– Что ж, мне искренне жаль, но и удерживать я вас не могу. Благодарю за мое спасение. Слуги проводят вас на корабль. Но помните, если на родине не сложится, вы всегда можете рассчитывать на мое гостеприимство.

Князь хлопнул в ладоши, вошел человек в черном.

- Проводите дорогого гостя на корабль!

Слуга молча поклонился.

На прощание я сказал:

- Царь Петр очень умен, буквально через несколько лет вы услышите о славных победах русского оружия, карта Европы будет перекроена, а Османская империя ослабнет. Лучше иметь его союзником, князь! Честь имею!

Я поклонился и вышел.

В карете мы добрались до порта, слуга подвез меня почти к кораблю. Поднявшись по сходням, я встретил на палубе О'Брайена.

- Чертовски вовремя, сэр. Завтра или послезавтра выходит большой караван судов, мы заканчиваем погрузки и идем с ними. А что с вашей одеждой, по моему, вы уходили в другой? Не случилось ли дурного?

- Спасибо за беспокойство, капитан, все сложилось удачно.

- Ужин уже прошел, но у кока, может быть, что-нибудь осталось.

- Спасибо, я сыт, просто устал, пойду отдыхать.

Вежливо раскланявшись, мы расстались. Едва добравшись до каюты, я успел снять пояс с оружием, плащ и сапоги и рухнул в постель.

События последних дней меня изрядно утомили.

На следующий день проснулся, когда солнце уже заглядывало в узенькое окно, - да никак уже полдень? Я вышел на палубу.

- Добрый день, сэр, - это ухмылялся в рыжую бороду О'Брайен. - Здоровы же вы спать. Утром матрос не мог вас добудиться к завтраку. Наверное, все дни и ночи уделили прекрасным синьоритам?

– И вину тоже!

Зачем рассказывать все мои приключения?

О’Брайен захохотал.

– Скоро отходим. На соседних судах уже сходни убирают. Мы идем в середине, поэтому отчалим часа через два.

Я умылся и поплелся на камбуз. Кроме яичницы и фруктов ничего другого мне предложить не могли. Сойдет!

После позднего завтрака я стоял у борта и глядел на портовую суету. В голове мелькнуло – повесили ли Тимоху? Тьфу, мерзопакостный человечешко. А ведь где-то в караване будет и его судно.

Я оглядел стоящие у пирсов и медленно выходящие из бухты суда, но не мог углядеть флагов, далековато.

С кормы донеслись команды капитана, матросы сбросили причальные концы, подняли носовой парус. Медленно, очень медленно пузатая каракка стала удаляться от причала.

Ну вот, еще один отрезок жизни позади. Как-то сложится дорога? Предстояло обойти морем всю Европу, добраться реками до Руси, Петербурга-то еще не было, но будет, скоро будет!

Глава 3

Медленно уплывали вдаль, скрываясь в синей дымке, берега Италии. Журчала у бортов синяя вода Тирренского моря. Облокотившись на борт, я смотрел, как уходящие суда выстроились в походный ордер – колонной по два судна. Увлечшись, я начал считать – один, два... Насчитал восемнадцать кораблей. Внушительно. В кильватер нам пристроился военный парусник. Неплохо, есть хотя бы охрана. Правда, О’Брайен умерил мою радость, сказав, что это

испанский корабль, и идет он только до Испании, но все равно, защита от пиратов в Средиземном море – тут пиратов полно, особенно из мусульманских стран.

Два дня я наслаждался отдыхом, ветер был попутный, солнце светило вовсю. Полная безмятежность. К вечеру О'Брайен за ужином сказал:

– Как бы бури не было, со стороны Африки тучи на горизонте, далеко пока, но и скорость у каравана невелика. Нюют мои кости, ночью поднимается ветер, утром жди шторма.

Я принял его слова во внимание. Спустившись в каюту, к поясу подвязал кошель с деньгами, побросал в кофр все вещи. Долго размышлял – цеплять ли к поясу шпагу. Если шторм окажется серьезным и придется спасаться вплавь – шпага будет мешать плыть, да и весит с ножнами килограмма два. Решил – не цеплять. Во время шторма нападать никто не станет – пираты сами будут искать укрытия. А пронесет шторм – шпагу и нацепить недолго. Пока не качает, надо поспать. Старая армейская привычка – если делать нечего – ложись спать, время пройдет быстрее.

Проснулся в полной темноте, на палубе раздавались крики, сильно качало.

Выбрался из постели, хорошо – лег одетым, и поднялся на палубу. Здесь творился ад. Луну закрыло тучами, видимости никакой, хлопал порванный парус – не успели, видимо, вовремя зарифить.

Порывистый ветер временами сильно бил в левую скулу судна, окатывая нас водопадом соленой воды. Мокрые матросы пытались убрать остатки парусов, покрепче принайтовать развязавшийся груз. На корме О'Брайен помогал рулевому удержать рвущийся из рук штурвал. Фонарь, непрерывно болтавшийся над ними, грозил потухнуть. Увидев меня, О'Брайен закричал:

– Следите за фонарем, чтобы не потух! Где-то сзади болтается португальская шхуна. Как бы она нас не протаранила.

Да, оказывается у каравана судов тоже есть отрицательные стороны. Я вцепился в поручни кормовой надстройки, увидел рядом болтающуюся надстройку и обвязал себя поперек пояса. Если ударит крутая волна, может смыть за борт.

Спасательных кругов и прожекторов нет, помочь вряд ли получится.

Волны усиливались, временами нас почти клало на правый борт, и тогда было слышно, как в трюмах громяхают ящики.

Меня никогда не укачивало, но теперь слегка подташнивало. Во время одного из шквалов рулевого оторвало от штурвала и швырнуло на меня. Еле успев отреагировать, я ухватил его одной рукой, второй намертво вцепившись в перила. Удар волны был страшен, откуда-то донесся треск ломаемого дерева: «Уж не обшивка ли?» – мелькнуло в голове. Когда судно вернулось на киль, матрос перебежал к штурвалу, там находился О'Брайен. Он вцепился в штурвал, всегда немного красноватое лицо стало багровым от натуги. Еще один удар волны, кто-то из матросов сорвался с мачты и с криком исчез в бушующих волнах. Какого черта беречь фонарь? Даже если сзади его и увидят, просто не смогут ничего предпринять. Я промок и замерз, решил спуститься в каюту.

Перебежками между ударами волн я спустился на вторую палубу, хватаясь за стены, добрался до двери каюты.

Стекло в оконце было выбито, по полу плескалась вода. Но, по крайней мере, ударами волн не сносит и не поливает со всех сторон. Ветер не стихал, если ранее налетал шквалами, то теперь дул почти постоянно. Судно полулежало на правом борту, почти не выпрямляясь. Хотя до бури мы были довольно далеко от берега, нас сносило к многочисленным греческим островкам.

Я мысленно вознес молитву Богу, чтобы он помог, не разбил судно о скалы и не утопил. Коли уж Ты перенес меня сюда, в это время и место, не дай погибнуть!

Шторм продолжался почти до утра. Первые лучи осветили море – оно еще волновалось, но шторм ушел дальше, к континенту. Ни одного судна по сторонам видно не было.

Не могли же все погибнуть, скорее всего, раскидало по сторонам, а кому-то и не повезло. На палубе царил погром; свисали веревки, хлопали разодранные паруса, особенно досталось фок-мачте – там почти все паруса пришли в негодность. Матросы во главе со шкипером осматривали повреждения, они были велики. Обшивка на носу дала течь, и судно медленно набирало воду. О'Брайен вздохнул – придется добираться до ближайшей суши, наскоро заделывать

повреждения и плестись для хорошего ремонта в ближайший порт. Мы повернули на север, к французским берегам.

Не пройдя и мили, наткнулись на обломки судна, за которые держались несколько моряков. Лодку нашу, что была привязана за кормой, штормом оторвало и унесло. Мы спустили паруса, бросали спасшимся веревки, вытаскивая уцелевших в кораблекрушении. Как потом выяснилось – это моряки с военного испанского судна, что шло в хвосте колонны. Они поведали, что на их глазах утонула португальская шхуна, а напоследок их швырнуло и мачтой с затонувшей шхуны пробило борт. Выкачка воды не помогла, и каравелла пошла ко дну. Стало быть, нам еще повезло. Спасшихся напоили горячим вином, дали одеяла согреться. Испанцы сбежались в кучу и стали переговариваться, наверное, радовались спасению. Проходя мимо них, О'Брайен вдруг остановился, прислушался, стал говорить на испанском. Оказывается, капитан наш полиглот. Хождение по чужим портам и странам заставило выучить азы языков. Поцокав языком, отошел.

– Что случилось, капитан?

– Перед бурей испанцы видели на востоке несколько судов, вымпелов разглядеть не удалось, но это могли быть и османы, и пираты. Надо держать ухо остро, быстро подлатаем повреждения – и в порт. С таким парусами и течью в носу мы далеко не уйдем.

Через полчаса вдалеке и справа по борту показался небольшой остров. Медленно, боясь сесть на мель, мы буквально подкрались к островку, киль зашуршал по песку. Скинули шторм-трап, осмотрели обшивку. Шкипер повеселел – повреждения не так велики, за несколько часов удастся подлатать.

Часть команды принялась заменять порванные снасти и менять парус. В работе приняли участие все – и я, и спасенные испанцы. Они тоже осознавали, что чем раньше мы уйдем в порт, тем больше шансов сохранить жизнь.

Стучали топоры и молотки, под команды боцмана матросы дружно тянули вверх новый парус. Я помогал менять шкоты и фалы. Лишь глубоким вечером удалось привести судно в мореходное состояние. Конечно, не все повреждения исправлены, но до порта дойдем. О'Брайен решил ночью в море не выходить, море у французских берегов кишело мелкими островками с отмелями и

подводными скалами. Было решено рано поутру выйти в море. Теперь судно было одиноко, и нам надо было смотреть в оба.

Я спал в своей каюте мертвецким сном после шторма и авральной работы и проснулся лишь когда матрос толкнул меня в бок:

– Просыпайтесь, сэр, капитан просит подняться к нему, у нас неприятности.

Продрав глаза, даже не умывшись, я быстро оделся и взбежал на корму. Одного взгляда хватило, чтобы оценить ситуацию. Невдалеке, кабельтовых в трех, покачивались два небольших парусных суденышка – турецкие шебеки. И, хоть не видно было флагов, тип судна О’Брайен определил сразу. Суда тоже были потрепаны прошедшим штормом, у одного паруса висели клочьями, у другого на борту был виден парусиновый пластырь – завели на пробоину. Все равно опасность была реальная. Шебеки кроме парусного вооружения могли ходить и на веслах. Узкие и верткие, быстроходные, они имели человек семьдесят команды. Судов два, стало быть, и противников в два раза больше. А у нас, даже со спасенными испанцами, едва набиралось полсотни. И пусть шебеки потрепаны, у их капитанов может мелькнуть мысль захватить нашу каракку – как приз за пережитый шторм.

– А чего они выжидают? – спросил я капитана.

– Это меня и тревожит, не приведи Господи, если ожидают отставших во время шторма других пиратов.

Что османы, что пираты грабили всех европейцев, команды брали в плен с последующим выкупом родственниками. Участь тех, кто не мог заплатить, была незавидной – или гребцом на галеры, или в каменоломни.

Мы собрались на корме, гадая, что предпримут пираты. Из опыта мы знали, что на шебеках слабое пушечное вооружение – обычно одна пушка, даже пушечка на носу. Пираты сильны абордажем, их цель – не уничтожение судна с товаром и экипажем, а захват.

Пиратские шебеки стояли, стояли и мы. Я лихорадочно искал выход. Да, судно и товары не мои, но в случае захвата судна я разделю судьбу экипажа. Ничего хорошего от турок или арабов ждать не приходилось, это я уже знал по своему

опыту. Испанцы тоже не надеялись на хорошее – с турками у них постоянно были войны и стычки, пленных обычно не брали. Как турки, так и испанцы были жестоки, коварны и мстительны.

– Капитан, – сказал я, – если мы будем стоять, то дождемся подхода подкрепления к пиратам. Надо прорываться!

– Как, у нас же не военное судно, людей мало, всего четыре пушки, да и то десятифунтовые.

– У меня есть план. Слева от нас стоит шебека с рваными парусами, стало быть, ход у нее только на веслах, если они не сломаны во время бури. Надо подготовиться – раздать людям оружие, перетащить две пушки с левого борта на правый. Мы отходим от острова, направляемся между шебеками, когда будем близко, поворачиваем влево и тараним шебеку с рваными парусами, одновременно стреляем картечью из всех четырех пушек по другой шебеке. Дальше – уповать на удачу. Я думаю, после тарана на шебеке будет не до абордажа, а на второй будут потери, и мы сравняемся по численности. Даже если они бросятся на абордаж, силы будут равны и шансы выжить вполне реальны.

Капитан задумался:

– Опыта военных действий у меня нет, во всем полагаюсь на вас, сэра. Винченцо очень вас хвалил. Сказал, что не знает, лучший вы лекарь или лучший воин. Командуйте!

– Сначала перетаскиваем пушки. Вы, капитан, прикажите раздать команде оружие. Кто у вас стреляет из пушки?

– Боцман и его ребята.

– Я их забираю, также и испанцев.

Мы спустились на вторую палубу, дружно ухватившись, перетащили обе пушки с левого борта на правый, закрепив канатами. Если забыть про канаты, пушка при отдаче резко рванет назад, может покалечить канониров. Установили, боцман и

его ребята бросились заряжать. Ко мне подошел один из испанцев. На плохом английском он сказал, что они не моряки, а морская пехота. Будет лучше, если им дадут оружие и они будут сражаться на палубе при abordaje.

Я кивнул и махнул рукой. Испанцы побежали на верхнюю палубу. Там уже команда поднимала паруса. Подбежав к капитану, я договорился, что, как только он подойдет к месту поворота для тарана, даст сигнал боцманской дудкой или колоколом, тогда мы сразу стреляем, и он делает поворот. Я повторил это несколько раз, чтобы он запомнил и не перепутал в горячке боя. Если он начнет поворот без сигнала, наш залп придется мимо цели. Времени перезарядить не останется, нам придется худо.

Я снова сбежал вниз, сунул за пояс заряженный пистолет и стилет, проверил, как выходит шпага из ножен и побежал к пушкам. Корабль, покачиваясь, разворачивался.

Ну, пусть Бог пошлет удачу, нам всем она очень нужна! Каракка развернулась, поставили все паруса и, набирая ход, судно пошло к шебекам. Там заметили наши движения, засвистели дудки, забегала команда.

В лучах всходившего солнца поблескивало оружие. Мы сблизились, каракка шла точно между пиратскими судами. Там решили, что мы хотим прорваться между шебеками, что-то завопили, грохнула носовая пушчонка левой шебеки, ядро упало недалеко от нас. По второму разу они уж всяко выстрелить не успеют. Боцман, я и еще двое матросов склонились у пушек, наводя прицел; по горизонтали еще рано, по вертикали – в самый раз. Еще ближе, еще! Мной овладевал азарт боя. Ну, похоже, больше в плен я не попаду, лучше быть убитым, унеся с собой в могилу нескольких нехристей.

Пора! Сверху раздалась трель боцманской дудки, я поднес фитиль к пушке, то же сделали и мои товарищи.

Ба-бах, ба-бах, ба-бах!

Пушечный залп картечи из четырех стволов почти смел с палубы шебеки пиратов. Везде валялись раненые и убитые, к большому сожалению, живые были тоже.

– Наверх, все наверх! – вскричал я и устремился к трапу. В это время судно наше начало резко поворачивать, затем последовал сильный удар. Мы повалились на палубу.

Бог мой, обшивка на носу и так была слаба, а тут такой удар и снова в левую скулу. Как бы раньше времени не пойти ко дну. Сверху слышались вопли пиратов «Алла!» и ругань матросов каракки. Я выскочил на палубу, здесь уже кипел бой. Десятка два пиратов залезли на палубу, с ними яростно сражались испанцы, ловко орудуя непривычными для них короткими морскими саблями. С левого борта пытались влезть пираты с протараненного судна. Я подбежал к борту и выглянул – шебека тонула, нос ее был почти оторван, и она быстро погружалась. Нескольким пиратам с нее удалось забросить абордажные крючья на нашу посудину, и теперь они цеплялись за веревки, зная, что это уже не борьба за добычу, а борьба за их жизни. С упорством обреченных они лезли на борт, матросы рубили им руки и головы и, похоже, с этой стороны угрозы уже не было.

А вот с правого борта пиратов прибывало, около испанцев уже валялось несколько пиратских тел, но и один испанец лежал убитым.

– Вперед! – по-русски заорал я, выхватил шпагу и бросился в атаку, за мной бежали люди боцманской команды. С ходу мы ударили в тыл пиратам, двоих я заколол почти сразу, в здорового пирата с топором выстрелил из пистолета с левой руки. Почувствовав помощь, испанцы всю замахали саблями.

Минута, и палуба возле нас очистилась. Я повернулся назад, переводя дух.

Нет, рано мы решили, что очистили палубу. К кормовой надстройке пробивались еще два десятка. Пока их сдерживали узкие проходы, но и защитников там было мало.

Я заткнул разряженный пистолет за пояс, схватил левой рукой кинжал, взмахнул шпагой:

– За мной, бей гадов! – Опять по-русски, но меня поняли.

Топоча, как стадо слонов, мы ринулись на пиратов. Мною овладело боевое бешенство, я стал как берсерк у норманнов. Реакции стали быстрыми, мышцы

налились силой. Я колот шпагой, где доставал стилетом – колот им, парировал удары и наносил сам. Кругом слышались крики, звон оружия, стоны раненых и хрипы умирающих. На палубе было скользко от крови, пот застилал глаза. Передо мной стоял сухощавый, жилистый пират в безрукавке на голое тело, голова повязана косынкой. Мускулы не играли, как у здоровяков, были как веревки. Опасный противник, такие очень быстры в движениях, выносливы и неплохие бойцы. Он не размахивал саблей, опустил ее кончиком вниз и смотрел на мои ноги. Очень опасен! Перед атакой противник всегда меняет положение ног, перенося вес на атакующую ногу. Я сделал одно обманное движение, другое – противник не двигался, переводя дыхание. Кажется – вот удобный момент, я ринулся в атаку, рассчитывая на длину шпаги, и позорно поскользнулся на скользкой палубе. Уже падая, увидел, как турок взмахнул саблей, и из положения лежа полоснул по ногам. Турок стал заваливаться на меня и, что меня удивило, – с окровавленным черепом. Я откатился вбок, выставив стилет. Турок напоролся на него, но это было уже излишним, он был мертв, когда падал.

За убитым стоял испанец и вытирал о рукав саблю.

– Грасиес, амиго, – выскочило откуда-то из потаенных уголков мозга. Вот ведь головоломка – я никогда не знал испанского!

Он протянул мне руку, я поднялся. На палубе были только убитые турки и наши матросы – кто жив, кто ранен, а кто и убит. Рядом стояла притянутая веревками шебека. На ней копошились двое-трое человек. Уйдут ведь, обрубят веревки, поднимут паруса – судно ведь небольшое, и будут вдалеке ждать подмоги. Нет уж! Я указал шпагой на шебеку и прыгнул на ее палубу. За мной сиганули трое испанцев. За несколько минут мы перебили оставшихся пиратов. Заглянули в трюм – он был пуст, видно, никого еще не успели ограбить. В углу сиротливо стояли несколько бочек. Я подошел – порох! То, что надо. Я выбил ногой дно у одного бочонка, начал отходить к выходу из трюма, не жалея сыпал зерненный хороший турецкий порох на пол трюма, потом на лестницу, на палубу. Испанцы уже перебрались на каракку и, подав руки, втащили меня на корабль. Мы перерубили веревки, и течение стало разносить суда. Я сбегал на вторую палубу, схватил тлеющий фитиль и, размахнувшись, закинул его на палубу шебеки.

– Ставьте быстрее паруса! – закричал я.

Но матросы и без команды уже всю лазали по реям. Наше судно отходило от обреченной шебеки. Удивительно, но на ней ничего не происходило, не было видно ни дыма, ни огня – и вдруг!! Шебека как будто раздулась и подпрыгнула на волнах, изо всех щелей вырвалось пламя, и посудина разлетелась на куски. Обломки досок долетели даже до нас. Все смотрели на гибель пиратского судна.

С кормы кричал О'Брайен:

– Чего устроили цирк, быстро все на паруса, уходить быстрее надо, в носовой части снова течь.

Его окрик вернул нас на грешную землю. Мы – то есть я и за мной испанцы – помчались на нос. Вода лилась в разошедшуюся обшивку. Пока у прорех хлопотал шкипер с матросами, мы стали качать ручки насоса, сменяясь через каждые пять минут. К сожалению, мощности насоса не хватало, а может и наших усилий, и вода медленно прибывала.

Что наступит раньше – появится суша или мы затонем? Вот незадача – утопить две шебеки, перебить пиратов и утонуть самим. Такой конец меня не устраивал.

Я побежал к О'Брайену – времени просто ходить не было.

– Как тут у вас?

– Пока порта не видно, берег вон виднеется вдаль, но что-то я не определяю пока, где мы. Как на носу?

– Течет, и сильно. Надо что-то срочно придумать!

– Что? Ветер слабый, ход маленький.

– Давай срочно всю команду, кроме рулевого, в трюм, самые тяжелые грузы перетащим к корме, нос хоть немного поднимется, я думаю, этого хватит, чтобы вода не лилась рекой.

– Хорошо. – О'Брайен приказал рулевому держать прежний курс.

Оскальзываясь на окровавленной палубе, мы помчались к трюму. На ходу капитан, громовым голосом изрыгая проклятия, собирал матросов. Нас собралось в трюме человек двадцать, стали перетаскивать ящики и перекачивать бочки ближе к корме, выбирая потяжелей. Через полчаса адовой работы днище постепенно наклонилось назад. Прибежал шкипер – поступление воды уменьшилось; насосы справляются, но воды набралось много.

Приказав продолжать работу, О'Брайен кинулся на верхнюю палубу, я за ним. Выглянули за борт. Разошедшаяся обшивка была на виду, чуть выше уровня воды. Еще бы поднять нос сантиметров на тридцать, да уже, пожалуй, некуда. Теперь остается ждать. Дав запаренным матросам пять минут перекурить, О'Брайен заставил их смыть с палубы кровь – скользко, а по палубе бегать сейчас надо. Матросы, не церемонясь, выкинули за борт убитых пиратов, предварительно поснимав с них оружие и обчистив карманы. наших убитых сложили у трюма в рядок. Я насчитал двенадцать тел. Много, но могло быть значительно больше.

О'Брайен, набив трубку, присел рядом.

– Как думаешь, дойдем?

– Должны. Большое спасибо за помощь, кабы не вы, сэр, не устоять бы нам. Сам я не отважился бы на таран, да и команда одна не устояла. Вы, сэр, были как ураган, да и испанцы себя неплохо показали.

– Верно, один из них спас мне жизнь.

– Я видел, только далеко был, помочь не успевал.

Мы еще посидели несколько минут, отходя после боя и аврала с течью.

– Давно у меня таких рейсов не было – ураган, потом пираты, теперь течь. Приду домой, пойду в костел, свечи святой Марии поставлю.

Мы перекрестились, О'Брайен удивился – как-то ты не так крестишься.

– Я православный христианин.

– А... – По-моему, он ничего не понял, пошел на кормовую надстройку и взялся за подзорную трубу. Долго изучал берега, затем изумленно вскинул брови.

Я подошел:

– И где мы?

– Убей меня гром, по-моему, это Мальорка.

– Что это?

– Остров испанский, здесь только один порт. – И приказал рулевому: – Левее на три градуса. Порт, как и остров, испанский, недавно принадлежал Португалии, вон, уже виднеются домишки.

Он передал мне подзорную трубу. Я поднес ее к глазам – какие-то домики есть.

– Это порт Пальма, дерьмовенький городишко, но выбора нет. Сам я был здесь лет двадцать назад, но думаю, ничего не изменилось.

Мы медленно подходили к острову. Начали попадаться рыбацкие лодки, рыбаки с удивлением показывали на нас пальцами. И впрямь – где увидишь торговую каракку с задраннным носом? Так мы, гордо задрвав нос, и вошли в бухту, боком подобралась к причалу, бросили причальные концы.

Испанцы с каракки радостно что-то кричали своим соплеменникам, потом подошли к нам:

– Мы благодарим вас, сеньор капитан, за спасение и доставку в Испанию. Здесь мы уже, считай, дома, прощайте.

Дружной стайкой они сбежали по сходням, растворились в набежавшей толпе.

На сегодня О'Брайен велел всем отдыхать – все вымотались и устали, работать будем завтра с утра. Я отсыпался в каюте, предварительно все-таки зарядив пистолет и положив его под подушку. После побудки и завтрака к нам приехал начальник порта, поинтересовался – по какой надобности мы прибыли и имеем

ли что на продажу. Поскольку мне разговор был неинтересен, я вышел на палубу осмотреть в свете дня порт и город.

Начальник порта, изрядно поддатый, вскорости вышел, его проводил до трапа О'Брайен.

Вскоре к каракке подошли мастеровые, каракку на буксире двумя лодками подвели к покатоному берегу и, подкладывая бревна под киль, лебедками наполовину корпуса вытащили наружу. Испанцы, наравне с англичанами и голландцами – великие кораблестроители. Чего стоила Непобедимая Армада, к сожалению, разбитая англичанами полторы сотни лет назад. Крепкие, быстроходные, надежные суда строили испанцы. Сейчас они тоже дружно взялись за ремонт. Старую обшивку аккуратно сняли, обнажив рангоут; к сожалению, он тоже нуждался в ремонте. Похоже, мы здесь застрянем недели на две-три. Посмотрев на полуразобранное судно, я присел в унынии. Может, перебраться на континент и продолжать путь пешком? Нет попутчиков, да и наездник из меня неважный, к тому же один в поле не воин. Мы на судне удачно отбились, потому что была команда и цель. Ежели на дороге нападет шайка, еще не факт, что отобьюсь без потерь. Поприкидывая варианты, решил остаться до конца ремонта и продолжить плавание с О'Брайеном. В конце концов, он умелый и опытный капитан, а что в Россию попаду на три недели позже – так мне не к сроку. Когда буду, тогда буду.

Я бродил по острову, слушал испанские песни, смотрел зажигательное фламенко, пил испанское вино – сильно отличается от итальянского. Испанское более насыщенное, в нем играет кровь конкистадоров, а итальянское более нежное, с богатым ароматом, очень хорошо как десертное. Мне кажется, я потихоньку начал разбираться в винах. Вот с женщинами не флиртовал, опасаясь горячих испанцев, только на этом острове мне не хватало головной боли. Хотя испанки так привлекательны и темпераментны.

Наконец, к исходу третьей недели ремонт был закончен, свежую обшивку просмолили. Еще раньше заменили негодный такелаж.

На другой день набирали в цистерну свежую питьевую воду, грузили солонину, муку и многое другое, нужное для плавания. Не теряя времени, вышли в море, не становясь на ночь на якорь. К вечеру следующего дня пристали к пристани Картахены. Три раза ха-ха. Воистину, неисповедимы пути Господни. Помнится, лет семьдесят назад я здесь здорово побушевал, разрушив крепость. Поскольку

в этом испанском городе О'Брайен выгружал часть груза, пару дней свободных у меня было. Я решил прогуляться, посмотреть для интереса дело рук своих.

Память услужливо вспомнила путь, я поднимался по извилистой дороге в гору, останавливаясь в памятных местах – вот здесь я прыгнул вниз, а сверху стреляли вдогонку испанцы, прошел дальше – стали видны ворота. Крепость восстановили.

Я удивился – по-моему, там оставалась неразрушенной только одна стена. После взрыва порохового склада в крепости мало что сохранилось. Из крепости вышел испанский солдат. Извинившись, я остановил его. Кое-как объяснившись на чудовищной смеси итальянского, английского и нескольких испанских слов, я пояснил, что был здесь много лет назад, крепость была разрушена.

– Да, – подтвердил испанец, – взорвался пороховой склад, уцелела только одна стена, но поскольку крепость занимает удобное положение, прикрывая своими орудиями порт и город, ее восстановили, закончили лет десять—пятнадцать назад, больно большой объем работы пришлось выполнить.

К воротам я не совался, еще сочтут за лазутчика, так – поглядел метров с двухсот. Спускался я гордый собой. Бежал из плена, разрушив почти всю крепость, – это чего-то стоило. Походил по городишку, выпил в таверне вина – очень дешевого и очень вкусного. Подумал – и купил с собой еще пару бутылок. Взял бы больше, да нести не в чем. В каждой местности были свои сорта винограда и свое вино, вкус различался сильно.

На следующий день, отоспавшись, побродил по лавкам, прикупил свежего пороха – дымный порох во влажной среде быстро отсыревает, дает осечки; по случаю в оружейной лавке купил три метательных ножа. Никогда раньше не пробовал метать, но попробовать стоит, необходимая вещь. Пообедал в таверне – жаркое с редким пока еще картофелем, наелся дешевых апельсинов, запив малагой.

Не спеша пошел в порт. Недалеко от нашего судна стоял старый бревенчатый сарай; судя по запаху, в нем когда-то хранились просмоленные канаты – запах пеньки и смолы трудно с чем-то спутать. Место удобное, и я попробовал метать ножи. Сначала получалось отвратительно, они никак не хотели втыкаться в бревно лезвием, попадали то ручкой, то боком, а уж о том, чтобы попасть в круг,

и речи быть не могло. Я был обескуражен, не такое простое оказалось умение – метать ножи. Видя, как я мучаюсь, ко мне подошел матрос с чужого судна, стоявшего рядом с нашим. Объяснил, что замах я делаю не так, нож держать надо за лезвие, а не за ручку. Взвесив в руке нож, пробормотал: «Хорошо сбалансирован. – Размахнулся и кинул. Нож со звоном воткнулся в центр круга. – Хм, здорово!» Я попробовал снова, стало получаться. Уже темнело, я решил продолжить свои упражнения завтра. Но на завтра утром мы уже отчалили.

Чтобы не отлеживать бока я спустился в трюм, заранее подобранным на пирсе кусочком известняка начертил круг и стал метать ножи. Пробовал правой рукой, левой, с замахом из-за плеча, снизу – исподтишка, с разворота и с прямой стойки.

Кидал ножи до изнеможения, пришел только на ужин. Завтра, послезавтра все повторилось. К концу тренировок все броски заканчивались попаданием лезвия в круг диаметром около метра. Вроде и неплохо, но я был недоволен. Где вы видели человека метрового диаметра? Еще два дня я рисовал ростовую мишень ну очень худого человека, и кидал, кидал, кидал. Броски ножа даже начали сниться во сне.

Между тем мы уже входили в Гибралтарский пролив, слева в дымке виднелся африканский берег, справа – европейский. Капитан вооружил команду – нападения здесь случались часто. Но все прошло благополучно, судно повернуло к северу, и мы вошли в Кадисский залив. Вот здесь везение временно от нас отвернулось.

Для начала ослаб, а затем и стих ветер. Паруса бессильно обвисли, каракка остановилась. Вот же, ешкин кот, на горизонте уже виден испанский порт и город Кадис. А мы стоим. Стояли день, два, три! Команда озверела, играли в карты и кости, спали, стали вспыхивать перебранки. Я зашел к капитану. Перед ним выстроились несколько бутылок вина, к сожалению, уже пустых.

– Где ты пропадаешь, Юрий, сколько можно спать?

– Да не сплю я, ты видел, что с командой?

– А что такое?

– От безделья матросы скоро драки учинять будут, займи команду делом – ну там, грузы в трюме перетащить, такелаж обновить, палубу отдраить.

О’Брайен тупо уставился в стол, видно, выпил все-таки много.

– Да, верно. – И как гаркнет: – Боцман!

Я аж присел от неожиданности – голос у капитана был зычный, слегка охрипший, способный мертвеца поднять из могилы. В открытую дверь показался боцман.

– Звали, капитан?

– Почему палуба не отдраена, такелаж не весь поменяли, за что я матросам деньги плачу?

Боцман исчез, и через мгновение раздалась трель боцманской дудки, забегали босыми ногами по палубе матросы.

– М-да, Юрий, пожалуй, лень расслабляет команду, здесь ты прав. Выпьешь?

Я взял бутылку – херес. Отчего и не выпить?

На следующий день поднялся ветерок, слабый, но ровный. Мы подняли все паруса и с черепашьей скоростью потащились к Кадису. Каких-то десять миль шли полдня, с большим облегчением пристали. Команда занялась погрузкой-выгрузкой, а я, по обыкновению, отправился на берег.

Здесь и местность была другая: низкий заболоченный берег, город в устье реки, небольшие дома. В трактирчике опробовал местного порту. Очень, очень неплохо, совсем не то, что продают в наших магазинах под видом портвейна, – им же только тараканов травить.

Немного погуляв и не найдя ничего интересного, решил вернуться на корабль. Рядом с нашим кораблем стоял португальский. На корме свисал с флагштока зелено-красный флаг. Грузчики в трюм таскали мешки, ящики, закатывали по доскам бочки. Я случайно обратил внимание – у одного на шее было видно

красное пятно. Я насторожился, остановился и стал внимательно наблюдать за ним. Когда грузчик выходил из трюма, на плече увидел еще одно. Бегом я влетел на палубу каракки, подбежал к О'Брайену.

- Капитан, быстро уходим!

- Что случилось, почему такая спешка? Мы не закончили погрузку, вон, на причале еще шесть ящиков.

- О'Брайен, сейчас я видел, как грузится вон тот португалец. У одного из грузчиков оспа!

Лицо капитана изменилось. В Европе часто бушевали эпидемии оспы, от которой вымирали селения. Чтобы не допустить ее распространения, губернаторы и бургомистры шли на жесткие, даже жестокие меры. Селения окружались солдатами, дома и трупы сжигались.

По свистку боцмана команда в авральном режиме затащила на палубу шесть остающихся ящиков и, не опустив даже в трюм, бросилась сбрасывать швартовы и поднимать сходни. О'Брайен был испуган даже больше, чем при встрече с пиратами. Стоит на корабле заболеть хоть одному – вымрет вся команда, а судно не пустят ни в один порт. Мигом подняли все паруса и вышли в море.

- Юрий, ты не ошибся, может, паника поднята зря? У меня нет сомнения в твоей порядочности, но не поторопился ли ты?

- Нет, капитан, через несколько дней ты сам услышишь плохие новости и будешь молчать, что заходил в Кадис.

Жизнь в дальнейшем подтвердила мои опасения. Когда мы стояли в Лиссабоне, команды с других кораблей донесли весть, что в Кадис никого не пускают. На рейде стоят военные корабли, и никто не может зайти в порт или выйти из него, а половина жителей уже мертвы.

Услышав такую новость, капитан сначала меня расцеловал, а потом мы с ним напились до чертиков, естественно, за его счет.

Выйдя из Кадиса, мы нигде не останавливались до самого Лиссабона, даже не набирали питьевую воду. На последних днях пути матросы стали роптать – вода несвежая, да и той в досталь не дают. В Лиссабон пришли с сухими цистернами и пересохшими глотками. Нет воды – и сварить пищу не на чем, да и солонина в рот не лезет.

Ошвартовались, и О'Брайен на радостях избавления от «черной смерти» разрешил команде отдыхать три дня. Матросы ринулись в припортовые кабаки промочить горло. На судне осталось только несколько человек вахтенных, что с завистью глядели в спины уходящих на берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/korchevskiy_yuriy/pushechnyy-naryad

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)